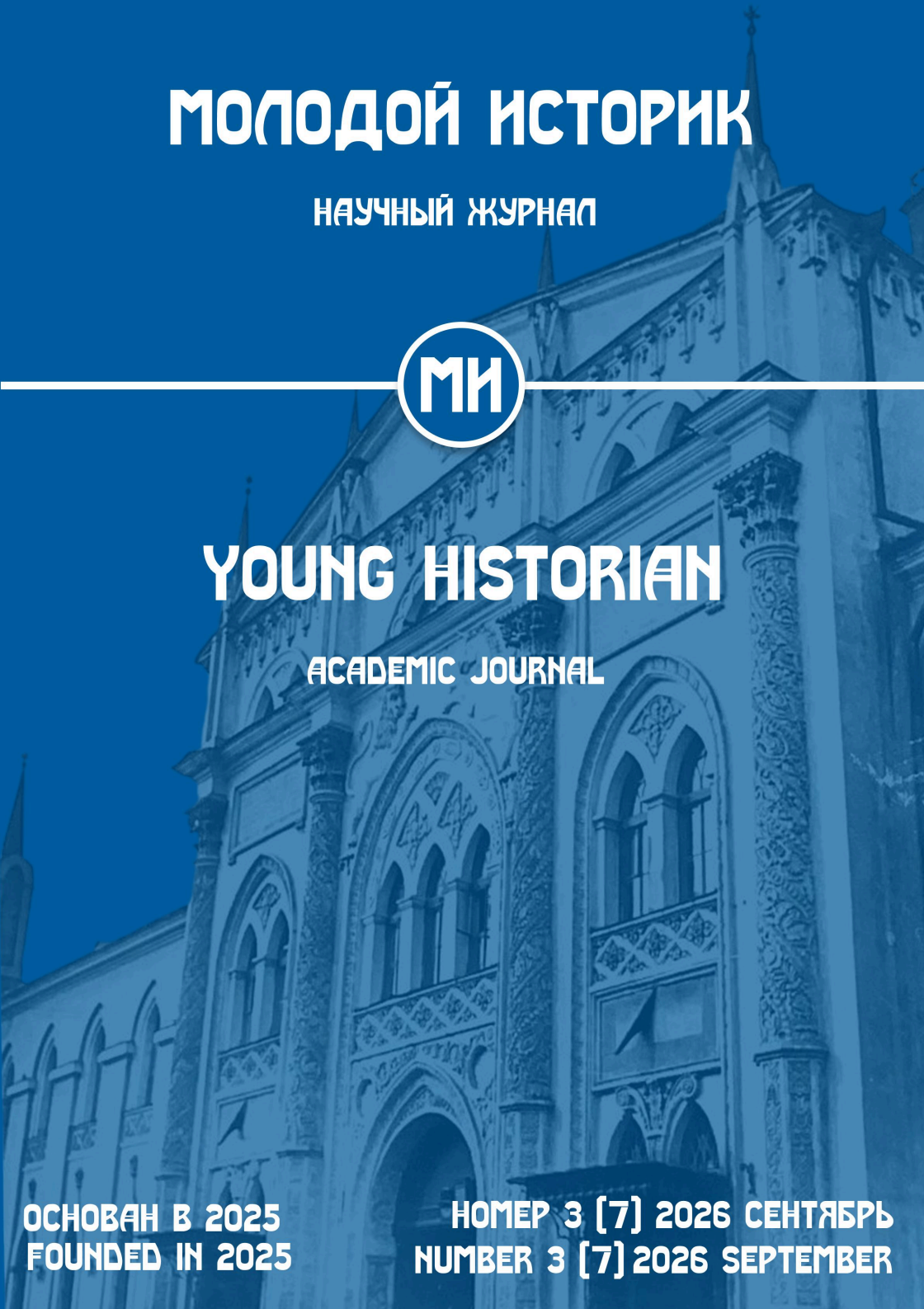
МОЛОДОЙ ИСТОРИК

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

МИ

YOUNG HISTORIAN

ACADEMIC JOURNAL

ОСНОВАН В 2025
FOUNDED IN 2025

НОМЕР 3 (7) 2026 СЕНТЯБРЬ
NUMBER 3 (7) 2026 SEPTEMBER

ISSN 3033-9480

МОЛОДОЙ ИСТОРИК

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

YOUNG HISTORIAN

ACADEMIC JOURNAL

ОСНОВАН В 2025

FOUNDED IN 2025

NO.3 (7)

2026

MOLODOI ISTORIK
YOUNG HISTORIAN

Academic Journal

There are 4 issues of the journal a year.

Founder and Publisher – Russian State University for the Humanities (RSUH)

The main content of the YOUNG HISTORIAN consists of scientific articles, scientific abstracts, scientific reviews, the subject of which corresponds to the group of scientific specialties 5.6 "Historical Sciences" according to the nomenclature of scientific specialties for which academic degrees are awarded, approved by Order № 118 of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation dated February 24, 2021:

5.6. Historical sciences:

5.6.1. Russian history

5.6.2. World history

5.6.3. Archaeology

5.6.4. Ethnology, anthropology and ethnography

5.6.5. Historiography, source study, methods of historical research

5.6.6. History of science and technology

5.6.7. History of international relations and foreign policy

5.6.8. Records management, document science, archival science

The purpose and scope: THE "YOUNG HISTORIAN" is an academic, peer-reviewed journal aimed at promoting the scientific research of young scholars in the field of history. The journal is a platform for the exchange of opinions and discussions between young historians and the publication of scientific and historical researches and materials of theoretical and (or) practical significance.

Journal objectives:

- Selection and publication of original and high-quality scientific materials by young historians;
- Involvement of young scholars, students, postgraduates, applicants for academic degrees in publishing and activities of the journal;
- Ensuring objective and independent review of published articles by domestic and foreign historians;
- Promotion of international cooperation in the field of historical science.

  The journal publishes the articles in Russian and English languages.

Editorial staff office: 6, Miusskaya Square, Moscow, 125047
E-mail: molodoi.istorik@rggu.ru

МОЛОДОЙ ИСТОРИК
Научный журнал

Выходит 4 номера электронной версии журнала в год.

Учредитель и издатель – Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ)

Основное содержание МОЛОДОЙ ИСТОРИК состоит из научных статей, научных обзоров, научных рецензий, тематика которых соответствует группе научных специальностей 5.6 «Исторические науки» согласно номенклатуре научных специальностей, по которым присуждаются учёные степени, утверждённой приказом Министерства науки и высшего образования Российской Федерации от 24 февраля 2021 г. № 118:

5.6. Исторические науки:

5.6.1. Отечественная история

5.6.2. Всеобщая история

5.6.3. Археология

5.6.4. Этнология, антропология и этнография

5.6.5. Историография, источниковедение, методы исторического исследования

5.6.6. История науки и техники

5.6.7. История международных отношений и внешней политики

5.6.8. Документалистика, документоведение, архивоведение

Цели и область: МОЛОДОЙ ИСТОРИК – академический, рецензируемый журнал, нацеленный на продвижение научных исследований молодых учёных в области истории. Журнал является платформой для обмена мнениями и дискуссий между молодыми историками и публикации научно-исторических исследований и материалов, имеющих теоретическую и (или) практическую значимость.

Задачи журнала:

- отбор и публикация оригинальных и качественных научных материалов молодых историков;
- привлечение молодых научных сотрудников, студентов, аспирантов, соискателей учёных степеней к публикационной активности и деятельности журнала;
- обеспечение объективного и независимого рецензирования публикуемых статей отечественными и зарубежными историками;
- содействие развитию международного сотрудничества в области исторической науки. Журнал публикует статьи на русском и английском языках.

Адрес редакции: 125047, Москва, Миусская пл., 6
Электронный адрес: molodoi.istorik@rggu.ru

Founder and Publisher
Russian State University for the Humanities (RSUH)

Editor-in-chief

E.V. Barysheva, Dr. of Sci. (History), Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

Executive secretary

S.A. Tagiltseva, master's student, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

Editorial Board

P.A. Alipov, Cand. of Sci. (History), Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*deputy editor-in-chief*)

M.M. Chernigovskiy, Cand. of Sci. (History), Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation (*deputy editor-in-chief*)

I.B. Antonova, Cand. of Sci. (Pedagogy), Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*editor of English text*)

D.A. Baklanov, graduate student, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*editor*)

Executive editors:

D.A. Baklanov, graduate student, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*editor*)

S.A. Tagiltseva, master's student, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

Учредитель и издатель
Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ)

Главный редактор

Е.В. Барышева, доктор исторических наук, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Ответственный секретарь

С.А. Тагильцева, студент магистратуры, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Редакционная коллегия

П.А. Алипов, кандидат исторических наук, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*заместитель главного редактора*)

М.М. Черниговский, кандидат исторических наук, Санкт-Петербургский государственный университет (СПбГУ), Санкт-Петербург, Российская Федерация (*заместитель главного редактора*)

И.Б. Антонова, кандидат педагогических наук, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*выпускающий редактор английского текста*)

Д.А. Бакланов, аспирант, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*редактор*)

Ответственные за выпуск:

Д.А. Бакланов, аспирант, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*редактор*)

С.А. Тагильцева, студент магистратуры, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕКСТИЛЬ И МОДА В ИСТОРИИ: ОТ РИТУАЛА К ИДЕОЛОГИИ

Софья Б. Курская

Одежда и предметы текстиля как объект дарения и наследования в Англии XIV столетия 9

Дарья С. Вельмушкина

Агиттекстиль в системе визуальной пропаганды революционных праздников в СССР в 1920–1930-е гг. 31

ИСТОРИЯ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Алина Р. Гарифуллина

«По учиненному анатомическому осмотру мертвого убитого тела явилось следующее…»: (не)очевидные аспекты проведения судебно-медицинской экспертизы в XVIII в. 43

Антон Е. Фатеев

Межведомственное взаимодействие в этноконфессиональной политике Российской империи в эпоху К.П. Победоносцева (1880–1905 гг.) 55

Владимир И. Мухин

Интерпретация понятия «крамола» в дискурсе идеологов «Монархической партии» и «Русского собрания» в 1900–1907 гг. 73

ИСТОРИЯ ПОЗДНЕГО СССР: ОТ ЧАСТНОЙ ЖИЗНИ К ПУБЛИЧНОЙ ПОЛИТИКЕ

Софья А. Дрогайцева

Проблемы семейных отношений периода застоя СССР через призму советского кинематографа 88

Василий К. Поваляев

Оформление парламентской оппозиции курсу реформ М.С. Горбачева: Межрегиональная депутатская группа 99

CONTENTS

TEXTILES AND FASHION IN HISTORY: FROM RITUAL TO IDEOLOGY

Sofia B. Kurskaia

Clothing and textiles as an object of gifting and inheritance in 14th century England 9

Daria S. Velmushkina

Agitation textiles in the system of visual propaganda of revolutionary holidays in the USSR in the 1920s–1930s 31

THE HISTORY OF THE RUSSIAN EMPIRE

Alina R. Garifullina

"According to the anatomical examination of the murdered dead body, the following was revealed…": (un)obvious aspects of conducting a forensic medical expertise in the 18th century 43

Anton E. Fateev

Interdepartmental interaction in the ethno-confessional policy of the Russian Empire in the era of K.P. Pobedonostsev (1880–1905) 55

Vladimir I. Mukhin

The concept of "sedition" interpreted by the ideologues of the Monarchist Party and the Russian Assembly in 1900–1907 73

THE HISTORY OF THE LATE USSR: FROM PRIVATE LIFE TO PUBLIC POLICY

Sofia A. Drogaytseva

The problems of family relations during the stagnation of the USSR through the prism of Soviet cinema 88

Vasiliy K. Povalyaev

Parliamentary opposition to the course of M. Gorbachev's reforms: Interregional Deputies' Group 99

УДК 94(410)”13”:391

Одежда и предметы текстиля как объект дарения и наследования в Англии XIV столетия

Софья Б. Курская
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики — Санкт-Петербург», Санкт-Петербург, Россия, sb.kurskaia@edu.hse.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу одежды и элементов текстиля как предметов наследования в завещаниях англичан XIV в. Наряду с устоявшейся традицией изучения завещаний как источника по экономической и правовой истории в настоящей статье предпринимается попытка выявить социальные и культурные функций вещей. Одежда и текстиль понимаются не как утилитарное имущество, а как средство, с помощью которого завещатель фиксировал семейные и корпоративные связи, а также транслировал свой статус в условиях складывающейся городской культуры и зарождающейся системы моды. Исследование строится на материале 193 завещаний, зарегистрированных в Хастингском суде Лондона в 1301–1400 гг., в которых встречается упоминание одежды и предметов из текстиля. Основная группа завещателей состояла из обеспеченных торговцев и ремесленников, имеющих в собственности недвижимое имущество. Основное внимание уделяется не столько типам передаваемых вещей, сколько категориям адресатов в завещаниях и динамике упоминаний одежды и текстиля. Выбранный ракурс позволяет представить завещательные акты как источник, фиксирующий систему ценностей и социальных приоритетов горожан Лондона XIV в.

Ключевые слова: завещание, одежда, текстиль, Лондон, суд Хастинга, наследование

© Курская С.Б., 2026

Для цитирования: Курская С.Б. Одежда и предметы текстиля как объект дарения и наследования в Англии XIV столетия // Молодой историк. 2026. № 3(7). С. 9-30.

Clothing and textiles as an object of gifting and inheritance in 14th century England

Sofia B. Kurskaia
National Research University "Higher school of economics – Saint Petersburg", Saint Petersburg, Russia, sb.kurskaia@edu.hse.ru

Abstract. The article examines clothing and textile items as objects of inheritance in the wills of 14th century England. Along with the established tradition of studying wills as a source of economic and legal history, this article attempts to identify the social and cultural functions of things. Clothing and textiles are interpreted not as utilitarian property, but as a multifunctional instrument through which the testator consolidated familial and corporate ties, and articulated his status against the backdrop of an evolving urban culture and an incipient fashion system. The research draws upon a corpus of 193 wills registered in the Husting Court of London between 1301 and 1400, which contain references to textile items. The majority of testators were affluent merchants and craftsmen who owned real estate. The analysis focuses not so much on the types of objects bequeathed, but rather on the categories of recipients specified in these wills and on the chronological dynamics of references to clothing and textiles across the period. This perspective allows the wills to be regarded as a source that captures the value system and social priorities of the citizens of medieval London.

Keywords: will, clothing, textiles, London, The Husting Court, inheritance

For citation: Kurskaia, S.B. (2026), "Clothing and textiles as an object of gifting and inheritance in 14th century England", *Young Historian*, no. 3(7), pp. 9-30.

Область исследования одежды пользуется вниманием исследователей различных научных областей. Работы, посвященные анализу предметов гардероба, можно встретить как у историков костюма и теоретиков моды, так и у этнографов и историков повседневности. Отдельное внимание исследователей привлекает история средневекового костюма и его роли в обществе. В настоящей работе предпринимается попытка рассмотреть предметы одежды и текстиля как объекты дарения в завещаниях англичан XIV столетия.

Завещания представляют собой уникальный источник, в котором человек засвидетельствован в пограничном состоянии между жизнью и смертью. Тексты завещаний по своей функции содержат распоряжения о месте похорон, инструкции по отпеванию и передаче имущества, что прямо указывает на подготовку к смерти (вне зависимости от того, является ли эта подготовка делом срочным или чем-то привычным для современников завещателя). Но в то же время документы наполнены упоминанием людей и предметов, свидетельствующих о деятельной жизни человека. Из всех вещей одежда служит наиболее ярким отражением повседневной человеческой жизни, поскольку через демонстрацию своего костюма человек удовлетворял потребность в украшении собственного тела и утверждении ценности земной жизни [Липовецкий 2012, с. 73].

Внимание к предметам одежды и текстиля можно отсчитывать с момента, когда историческая наука отказывается от рассмотрения только социально-экономических структур и политических событий, обращаясь к источникам за ответами на вопросы о самоощущении, идеях и чувствах человека эпохи. Начало процессу смещения фокуса историков на систему ценностей людей прошлого было положено первым поколением школы Анналов. Л. Февр и М. Блок, а затем их последователи пересмотрели подход к историческому знанию: по их мнению, историк должен был заставить немые предметы говорить, чтобы те свидетельствовали о ментальности, интересах, психике и мировоззрении создавших их людей. [Бродель 2007, Ле Гофф 2005, Делюмо 2006]. Разработанный «новыми историками» подход к рассмотрению материальной культуры продолжает активно

применяться в исторических исследованиях. Для настоящей статьи было выделено четыре группы работ, которые выступают теоретической опорой для анализа.

Во-первых, это работы, посвященные анализу средневекового общества, его экономики, культуры и сознания людей эпохи [Сванидзе 2013, Пастуро 2001, Кокорева 2024, Колганова 2022, Pirenne 2015]. Во-вторых, исследования сосредоточенные на изучении устройства английских средневековых городов, структуре их общества и укладу жизни [Мосолкина 2017, Праздников 2007, Репина 1979, Чернова 2016]. В-третьих, тексты полностью или частично сосредоточенные на изучении одежды и ее значении в обществе [Липовецкий 2012, Гурьянова 2023, Леонова 2020, Савчинский, Ильичев, Ситало 2018, Jones, Stallybrass 2000]. Отдельно стоит отметить монографию Дж. Ли, внесшую значимый вклад в изучение ткацкой отрасли и ее представителей в средневековой Англии [Lee 2018]. Заключительная группа включает работы исследователей, которые анализируют английские завещания и практику дарения одежды в них. В одних работах завещания рассматриваются как инструмент для анализа положения жизни в Лондоне [Булаева 2020, Staples 2008, Bushby 2019], а в других фокус отводится исследованию значения подаренных предметов [Андерсон 2006, Мосолкина 2017, Burgess 1987, Crawford 2016, Salter 2016].

Все эти исследования показывают, что анализ предметов одежды в завещаниях является довольно востребованным в среде историков. Однако важно заметить, что почти во всех рассмотренных работах внимание сосредоточено преимущественно на завещаниях XV в. Настоящая работа предлагает обратиться к актам наследования XIV в., поскольку к этому времени заканчивается формирование сословия горожан, а у купцов и ремесленников появляются средства, которые они охотно вкладывают в свой костюм [Мосолкина 2017, с. 199]. Помимо этого, происходят перемены в сознании людей, проявляющиеся в постепенном росте индивидуализма и связанной с ним установке на обогащение; одним из маркеров этой установки как раз и выступает одежда. [Праздников 2007, с. 147]. Как минимум эти факты делают изучение одежды XIV столетия ценной и

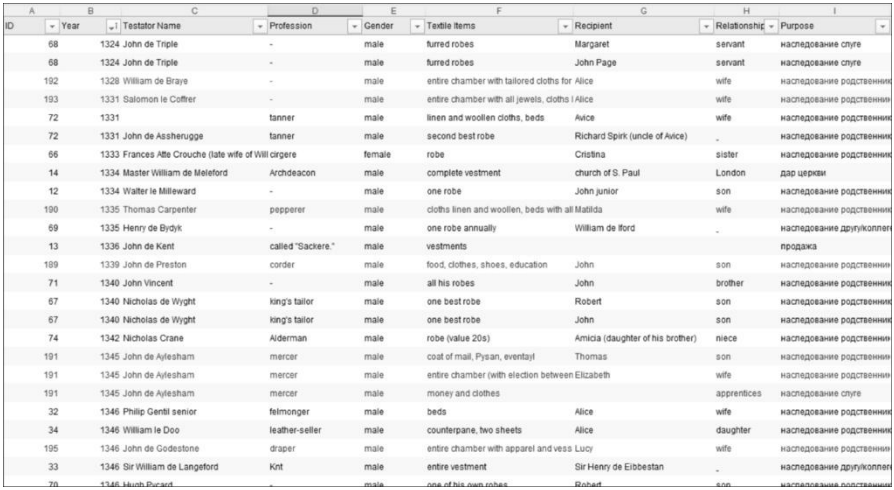
актуальной задачей. В рамках настоящей статьи предпринимается попытка выявить, о чем свидетельствует практика дарения одежды и текстиля в качестве объекта наследования в завещаниях англичан XIV в.

В качестве источников были использованы завещания англичан, обращавшихся в лондонский городской суд Хастинга, в который горожане приходили для урегулирования имущественных споров и составления посмертных распоряжений. В этом суде сохранились самые ранние завещания лондонцев (начиная с 1258 г.), которые были систематизированы и изданы в двух томах историком Р.Р. Шарпом в 1889–1890 гг., а затем оцифрованы онлайн-архивом Британской истории (British History Online)[1]. Основную массу завещателей составляли обеспеченные горожане, занимавшиеся ремеслом и торговлей, а также имевшие в собственности недвижимое имущество. Небольшая часть завещаний принадлежала церковным служащим и рыцарям (9,9% от общего числа завещателей). Все завещания в основном следуют единому образцу. Завещание открывается указаниями о том, в какой церкви и как похоронить человека (иногда – во что должно быть облачено тело), затем следуют отказы вещей в пользу церкви, а далее – часть, в которой имущество распределяется между родственниками и знакомыми. Упоминание предметов одежды может встречаться как в первой части завещания, в виде дара церкви или беднякам, так и во второй, когда вещи передаются конкретным адресатам.

В ходе исследования было отобрано 193 документа за 1301–1400 гг., в которых упоминались одежда и текстильные изделия – покрывала, гобелены, ткани и пр. Поиск производился по ключевым словам: vestments, cloth, robe, tunic, coat, surcoat, hood и т.д. При этом поиск не проводился по словам, обозначающим домашний текстиль как, например, простыни (sheets), поскольку

[1] Calendar of Wills Proved and Enrolled in the Court of Husting, London: Part 1, 1258–1358 / ed. by R.R. Sharpe. London, 1889. URL: https://www.british-history.ac.uk/court-husting-wills/vol1. (Дата обращения: 08.06.2026); Calendar of Wills Proved and Enrolled in the Court of Husting, London: Part 2, 1358–1688. / ed. by R.R. Sharpe. London, 1890. URL: https://www.british-history.ac.uk/court-husting-wills/vol2. (Дата обращения: 08.06.2026).

эти вещи в большинстве случаев сопровождали упоминания одежды и рассматривались как сопутствующая категория к одежде. На базе отобранных завещаний была составлена таблица, в которую были внесены данные из каждого акта о годе, имени завещателя, его профессии, завещанном предмете гардероба, адресате вещи, статусе взаимоотношений и функции дара.

ID	Year	Testator Name	Profession	Gender	Textile items	Recipient	Relationship	Purpose
68	1324	John de Triple	-	male	furred robes	Margaret	servant	наследование слуге
68	1324	John de Triple	-	male	furred robes	John Page	servant	наследование слуге
192	1328	William de Braye	-	male	entire chamber with tailored cloths for	Alice	wife	наследование родственни
193	1331	Salomon le Coffrer	-	male	entire chamber with all jewels, cloths i	Alice	wife	наследование родственни
72	1331		tanner	male	linen and woollen cloths, beds	Avice	wife	наследование родственни
72	1331	John de Assherugge	tanner	male	second best robe	Richard Spirk (uncle of Avice)	-	наследование родственни
66	1333	Frances Atte Crouche (late wife of Will	cirgere	female	robe	Cristina	sister	наследование родственни
14	1334	Master William de Meleford	Archdeacon	male	complete vestment	church of S. Paul	London	дар церкви
12	1334	Walter le Milleward	-	male	one robe	John junior	son	наследование родственни
190	1335	Thomas Carpenter	pepperer	male	cloths linen and woollen, beds with all	Matilda	wife	наследование родственни
69	1335	Henry de Bydyk	-	male	one robe annually	William de Ilford	-	наследование другуюkonner
13	1336	John de Kent	called "Sackere."	male	vestments			продажа
189	1339	John de Preston	corder	male	food, clothes, shoes, education	John	son	наследование родственни
71	1340	John Vincent	-	male	all his robes	John	brother	наследование родственни
67	1340	Nicholas de Wyght	king's tailor	male	one best robe	Robert	son	наследование родственни
67	1340	Nicholas de Wyght	king's tailor	male	one best robe	John	son	наследование родственни
74	1342	Nicholas Crane	Alderman	male	robe (value 20s)	Amicia (daughter of his brother)	niece	наследование родственни
191	1345	John de Aylesham	mercer	male	coat of mail, Pysan, eventayl	Thomas	son	наследование родственни
191	1345	John de Aylesham	mercer	male	entire chamber (with election between	Elizabeth	wife	наследование родственни
191	1345	John de Aylesham	mercer	male	money and clothes		apprentices	наследование слуге
32	1346	Philip Gentil senior	felmonger	male	beds	Alice	wife	наследование родственни
34	1346	William le Doo	leather-seller	male	counterpane, two sheets	Alice	daughter	наследование родственни
195	1346	John de Godestone	draper	male	entire chamber with apparel and vess	Lucy	wife	наследование родственни
33	1346	Sir William de Langeford	Knt	male	entire vestment	Sir Henry de Elbbestan	-	наследование другуюkonner
70	1346	Hugh Pycard	-	male	one of his own robes	Robert	son	наследование родственни

Рисунок 1 Таблица составлена автором на основе данных онлайн-архива Британской истории (British History Online)[2]. Завещания, в которых упоминается одежда и предметы текстиля.

Рассмотрение практик завещания одежды невозможно без понимания исторического контекста XIV столетия. Многие исследователи характеризуют этот век как время глубокого кризиса, проявившегося в первую очередь в природных катаклизмах, приведших к голоду 1315–1317 гг., когда Северная Европа лишилась до четверти населения [Кокорева 2024, с. 204], а также в одной из самых смертоносных эпидемий чумы – «Черной смерти», унесшей, по разным оценкам, от 30 до 50% населения [Колганова

[2] Calendar of Wills Proved and Enrolled in the Court of Husting, London: Part 1, 1258–1358 / ed. by R.R. Sharpe. London, 1889. URL: https://www.british-history.ac.uk/court-husting-wills/vol1. (Дата обращения: 08.06.2026); Calendar of Wills Proved and Enrolled in the Court of Husting, London: Part 2, 1358–1688. / ed. by R.R. Sharpe. London, 1890. URL: https://www.british-history.ac.uk/court-husting-wills/vol2. (Дата обращения: 08.06.2026).

2022, с. 86]. Как отмечает Ж.Д. Делюмо, такая депопуляция обусловила нехватку рабочей силы и рост заработных плат, что обеспечило повышение среднего дохода на душу населения [Делюмо 2006, с.79]. Однако в то же время можно предположить, что вместе с доходами росли и расходы, поскольку потеря трети населения повлекла за собой рост цен и давление налогового гнета [Pirenne 2015, p. 192].

Английское королевство столкнулось с чумой в 1348 г. Вспышки заболевания с разной интенсивностью возвращались до 1485 г. не менее 30 раз, спровоцировав значительное сокращение населения [Праздников 2007, с. 44–45]. Последствия чумы усугублялись изменениями климата и неурожаями [Lee 2018, p. 5]. Только на первую половину XIV в. пришлось 8 неурожайных лет, в то время как за весь XIII в. было зафиксировано только 4 года с низкой урожайностью [Делюмо 2006, с. 77]. К природным бедствиям добавились политические и экономические потрясения, такие как Столетняя война, начавшаяся в 1337 г., и экономический кризис в Италии, где в первой половине XIV в. обанкротилось несколько крупных банков [Делюмо 2006, с. 71]. В совокупности эти факторы усугубили социальные проблемы, проявившиеся в волнениях по всей Западной Европе в последней четверти XIV в. [Pirenne 2015, p. 193; Делюмо 2006, с. 71].

Однако, несмотря на перечисленные процессы, XIV столетие осмысливается и как эпоха подъема производительных сил и зарождения раннекапиталистических отношений в городах, где ремесло и торговля достигли нового уровня [Сванидзе 2013, с. 188]. К середине XIV в. в Англии окончательно оформилось сословие горожан, обладающее собственными органами власти, судами и привилегиями [Мосолкина 2017, с. 151–152], а также сложилась сеть городов, рынков и кредитных учреждений [Lee 2018, p. 6].

Поскольку изучаемые в настоящей работе завещания принадлежат торгово-ремесленной части населения, важно охарактеризовать именно ее. Несмотря на депопуляцию после чумы, английское общество сохраняло предпринимательский уклад, а изменение христианской морали в условиях урбанизации способствовало повышению престижа торговли и социального

статуса купечества [Делюмо 2006, с. 152] – об этом свидетельствует, например, поступление младших детей из дворянских семей учениками в торговые гильдии [Мосолкина 2017, с. 187].

Гильдейские объединения, создававшиеся для расширения торговых прав, были важным институтом для английских горожан [Чернова 2016, с. 64]. К середине XIV столетия в крупных английских городах насчитывалось около 40–50 торговых гильдий, а в Лондоне их число выросло с 48 в 1377 г. до 60–75 к концу века [Праздников 2007, с. 38]. Ценность гильдий заключалась не только в экономической выгоде, но и в формировании социальной общности, необходимой для утверждения человека в общественной среде. Однако примерно с середины века начинается процесс «закрытия цехов», характеризующийся снижением круга лиц, которые могли получить статус полноправного мастера [Мосолкина 2017, с. 152]. По сравнению с XIII в. эта доля значительно сократилась, что нашло свое отражение в активизации процессов социальной дифференциации и имущественного расслоения. Именно в этом пространстве различий одежда становится одним из важных элементов общественной жизни.

Формирование моды большинство исследователей относит к периоду 1350-х гг., связывая это с изменением кроя, появлением облегающих силуэтов и четкого разделения мужской и женской одежды [Липовецкий 2012, с. 70]. В то же время существуют работы, в которых утверждается о более раннем зарождении моды в рыцарской среде [Пастуро 2001, с. 110]. М. Гурьянова оспаривает этот тезис, указывая на локальный характер особого отношения к костюму [Гурьянова 2023, с. 27]. В целом, согласно общему тренду, система моды появляется именно в середине XIV в. В настоящей статье феномен моды представляет интерес прежде всего в связи с повышением значимости одежды в системе ценностей людей.

С одной стороны, на одежду смотрят как на предмет, который обезличивает, скрывая физическое тело за социальным [Douglas 1996, p. 80]. С другой стороны, одежда придает телу смысл, объединяя физическое и социальное [Jones, Stallybrass 2000, p. 2–4]. В городской среде, где все четче вырисовывается фигура «Другого», одежда становится главным маркером статуса и своеобразной

униформой [Гурьянова 2023, с. 24; Ле Гофф 2005, с. 435]. В торгово-ремесленной среде одежда не только маркировала принадлежность к своей группе, но и служила инструментом формирования социального статуса, позволяя горожанам выходить за рамки сословных предписаний. Как отмечают современные исследователи, одежда «придает характер тому, что раньше его не имело» [Jones, Stallybrass 2000, p. 4]. Реакцией на это стал рост нормативных актов с попытками контролировать ношение «правильной» одежды, а также появление сатирических произведений о слишком нарядных слугах [Crawford 2016, p. 158]. Одновременно с этим ткацкая отрасль выходит на передовые позиции по числу занятых в профессии и стоимости продукции [Lee 2018, pp. 2], а рост уровня жизни после чумы позволял большому числу горожан покупать качественные ткани, подражая в роскоши своего гардероба аристократии [Мосолкина 2017, с. 191]. Таким образом, несмотря на кризисы, XIV в. становится временем роста покупательной способности горожан, а одежда и текстиль перестают быть только прикладными предметами, превращаясь в маркер статуса, инструмент идентификации и способ заявить о своем положении в публичном пространстве города.

A	B
Profession	COUNTA of F
fishmonger	13
draper	9
vintner	7
mercer	6
pepperer	6
Rector	6
clerk	5
skinner	4
tailor	4
goldsmith	4

Рисунок 2. Таблица составлена автором на основе данных онлайн-архива Британской истории (British History Online)[3]. Распределение завещаний с текстильными предметами по профессиональной деятельности.

[3] Calendar of Wills Proved and Enrolled in the Court of Husting, London: Part 1, 1258–1358 / ed. by R.R. Sharpe. London, 1889. URL: https://www.british-history.ac.uk/court-husting-wills/vol1. (Дата обращения: 08.06.2026);

Как было упомянуто выше, анализ строится вокруг 193 завещаний Хастингского суда, содержащих указания о передаче текстильных предметов. Преимущественно завещания принадлежали торговцам и мастерам, бесспорными лидерами среди которых по количеству актов с упоминанием одежды были рыботорговцы – 13 завещаний за весь рассматриваемый период. Их количественное преимущество объясняется тем, что рыба регулярно пользовалась большим спросом из-за частых постных дней [Булаева 2020, с. 48]. Далее по убыванию шли производители ткани, виноторговцы, торговцы перцем, кожевники, торговцы тканью, портные, ювелиры и прочие (см. Рис. 2). Среди неремесленных профессий выделяются ответственные за сбор десятины и отвечающие за ведение протоколов заседаний совета. Остальные профессии представлены единичными актами.

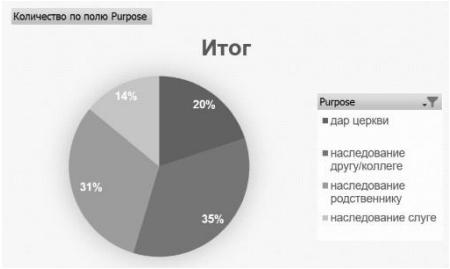

Рисунок 3. Диаграмма составлена автором на основе данных онлайн-архива Британской истории (British History Online)[4]. Гендерное распределение завещателей

В основном завещания принадлежали мужчинам, однако было немало и женских завещаний: вдов, бывших жен, дочерей, унаследовавших имущество, а иногда и профессию своих мужей

Calendar of Wills Proved and Enrolled in the Court of Husting, London: Part 2, 1358–1688. / ed. by R.R. Sharpe. London, 1890. URL: https://www.british-history.ac.uk/court-husting-wills/vol2. (Дата обращения: 08.06.2026).

[4] Calendar of Wills Proved and Enrolled in the Court of Husting, London: Part 1, 1258–1358 / ed. by R.R. Sharpe. London, 1889. URL: https://www.british-history.ac.uk/court-husting-wills/vol1. (Дата обращения: 08.06.2026); Calendar of Wills Proved and Enrolled in the Court of Husting, London: Part 2, 1358–1688. / ed. by R.R. Sharpe. London, 1890. URL: https://www.british-history.ac.uk/court-husting-wills/vol2. (Дата обращения: 08.06.2026).

или отцов. Всего было выявлено 35 женских завещаний (23%) (см. Рис. 3). Это довольно большой показатель, поскольку из исследования К.К. Степлс известно, что в 1400–1500 гг. меньше 10% завещаний принадлежало женщинам [Staples 2008, p. 240]. Вероятно, это может быть связано с процессом ужесточения требований попадания в ряды торговцев, о которых упоминалось выше.

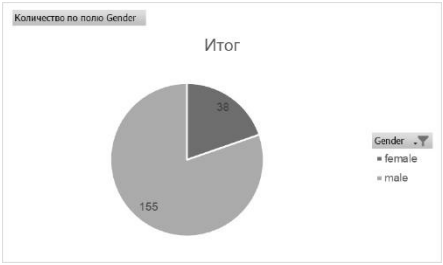

Рисунок 4. Диаграмма составлена автором на основе данных онлайн-архива Британской истории (British History Online)[5]. Категории получателей одежды

Среди предметов чаще всего завещали ткань для последующего пошива (72 упоминания). Вторым по частоте текстильным предметом (64 упоминания) было платье (robe). Оно скорее всего состояло из нескольких частей. Для мужчин оно включало в себя тунику и накидку поверх нее, а для женщин нижнее платье, а также верхнюю мантию. Отдельные туники встречались 59 раз, что соотносится с завещательной тенденцией Швеции в XIII–XV вв., где значительно преобладали завещания туникообразной одежды [Андерсон 2006, с. 2]. Плащи и церковные облачения зафиксированы 34 и 46 раз соответственно.

Одной из важнейших частей завещания является указание лиц, которым завещалось имущество. На основе представленной выборки были выделены четыре категории получателей: родственники (31% упоминаний), друзья/коллеги (35%), слуги

[5] Calendar of Wills Proved and Enrolled in the Court of Husting, London: Part 1, 1258–1358 / ed. by R.R. Sharpe. London, 1889. URL: https://www.british-history.ac.uk/court-husting-wills/vol1. (Дата обращения: 08.06.2026); Calendar of Wills Proved and Enrolled in the Court of Husting, London: Part 2, 1358–1688. / ed. by R.R. Sharpe. London, 1890. URL: https://www.british-history.ac.uk/court-husting-wills/vol2. (Дата обращения: 08.06.2026).

(14%) и церковь (20%) (см. Рис. 4). Как видно из процентного соотношения, самым частым выбором была передача вещей родственникам или коллегам. Заметное различие в категориях завещанной одежды между разными родственниками наблюдается лишь применительно к супругам завещателей. Жены обычно получали набор текстиля, относящийся к постельному белью, ткань или некую совокупность одежды без перечисления конкретных элементов. Исключение составляют только два завещания – Джона Салесбури (John de Salesburi)[6] и Джона Хамонда (John Hamond)[7], которые передали своим супругам платья. Важно также заметить, что одежда в принципе передавалась ближайшим родственникам, тогда как в уже упомянутой средневековой Швеции одежда в завещаниях по большей части дарилась только дальнему кругу родственников [Андерсон 2006, с. 5].

Коллегам или друзьям передавалась конкретная одежда, обычно с описанием ее свойств. Дарения коллегам можно интерпретировать как проявление принципа «одаривая, отдают себя» [Гурьянова 2023, с. 31], что демонстрирует тесные взаимоотношения между торговцами, а иногда и между их семьями. Однако в этих актах можно увидеть не столько проявление дружеской привязанности, сколько демонстрацию своего социального веса внутри корпорации, которая проявлялась в выборе получателя и качества отдаваемой вещи. Здесь уместно вспомнить концепцию дара М. Мосса, согласно которой дарение устанавливает связи между коллективами и необходимо для поддерживания или повышения социального статуса[8].

Передача одежды слугам представляется одной из наиболее интересных статей в завещаниях. Из всех упоминаний одежды

---

[6] Will of Salesburi (John, son of Adam de, late pepperer) // Calendar of Wills. Part 1: 1258–1358. Wills: 24 Edward III (1350-1). URL: https://www.british-history.ac.uk/court-husting-wills/vol1/pp624-645 (дата обращения: 12.07.2026).

[7] Will of Hamond (John) // Calendar of Wills. Part 1: 1258–1358. Wills: 23 Edward III (part 1 of 2). URL: https://www.british-history.ac.uk/court-husting-wills/vol1/pp512-578 (дата обращения: 12.07.2026).

[8] Мосс М. Общества. Обмен. Личность. Труды по социальной антропологии. М., 2011. С. 203.

подчиненные фигурировали в 14% случаев. Это достаточно много с учетом того факта, что передаваемые элементы гардероба были не последнего качества. Так, Тройной Джон (John de Triple) завещал своему слуге платья с мехом, который считался элементом роскоши[9]. А Уильям Биркинге (William de Berkyngge) завещал свое лучшее платье подмастерью[10]. Важно отметить, что подмастерья определенно не являются слугами в прямом значении этого слова, однако они находились под патронажем крупных ремесленников, что позволило отнести их к той же категории получателей.

Выбор слуг как получателей качественной одежды важен тем, что может свидетельствовать о расширении «социального тела» – образа, который человек транслирует в обществе через внешние формы, в том числе через одежду [Douglas 1996, p. 72]. В Средние века проявление «социального тела» стремились контролировать, поскольку современники с большой настороженностью относились к тому, насколько правомерно человек использует те или иные виды одежды, и следили за соответствием костюма статусу владельца в обществе [Crawford 2016, p. 158]. Таким образом, когда завещатель передавал одежду своему слуге, он даровал ему и часть своей индивидуальности [Salter 2016, p. 182], что в определенной мере размывало сословные границы средневекового общества. Кроме того, передача одежды сверху вниз по социальной лестнице могла укреплять и существующую иерархию, поскольку такой дар подтверждал статус служения [Гурьянова 2023, с. 31].

Последняя выделенная категория – это завещания одежды и текстиля в пользу церкви. В эту же группу были отнесены акты, в которых тканевые вещи передаются бедным или упоминаются как необходимые облачения для похорон. В основном бедным оставляли куски ткани, но в некоторых случаях встречались и готовые вещи – например, в завещании Роджера Ланта (Roger Lunt),

[9] Will of Triple (John de) // Calendar of Wills. Part 1: 1258–1358. Wills: 18 Edward II (1324–5). URL: https://www.british-history.ac.uk/court-husting-wills/vol1/pp308-315 (дата обращения: 12.07.2026)

[10] Berkyngge (William de) // Calendar of Wills. Part 1: 1258–1358. Wills: 28 Edward III (1354–5). URL: https://www.british-history.ac.uk/court-husting-wills/vol1/pp675-684 (дата обращения: 12.07.2026)

который оставил бедным плащи с капюшонами[11]. Хотя церковные облачения были одним из самых часто упоминаемых категорий вещей, в целом дарение одежды церкви не было преобладающей тенденцией, но оставалось частью практики «отмаливания грехов» [Burgess 1987, p. 838].

Важно проследить динамику завещаний с упоминанием вещей из текстиля. Под динамикой в данном случае понимается изменение количества таких завещаний по годам (см. Рис. 5).

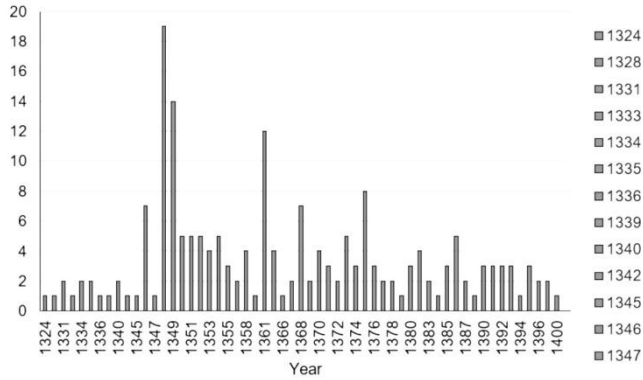

Рисунок 5. Диаграмма составлена автором на основе данных онлайн-архива Британской истории (British History Online)[12]. Количество завещаний с упоминанием одежды и текстиля в конкретные года рассматриваемого периода.

Практика передачи одежды и предметов текстиля не была распространенной. В 89,5% всех рассмотренных лет количество упоминаний одежды не превышает пяти завещаний в год. Исключения составляют годы чумы (1348 г. – 19 актов, 1349 г. – 14,

[11] Will of Lunt (Roger) // Calendar of Wills. Part 1: 1258–1358. Wills: 11 Richard II (1387–8). URL: https://www.british-history.ac.uk/court-husting-wills/vol2/pp261-269 (дата обращения: 12.07.2026)

[12] Calendar of Wills Proved and Enrolled in the Court of Husting, London: Part 1, 1258–1358 / ed. by R.R. Sharpe. London, 1889. URL: https://www.british-history.ac.uk/court-husting-wills/vol1. (Дата обращения: 08.06.2026); Calendar of Wills Proved and Enrolled in the Court of Husting, London: Part 2, 1358–1688. / ed. by R.R. Sharpe. London, 1890. URL: https://www.british-history.ac.uk/court-husting-wills/vol2. (Дата обращения: 08.06.2026).

1361 г. – 12, 1375 г. – 8, 1346 г. и 1368 г. – 7 актов в оба года). Это позволяет предположить, что рост числа таких актов связан не столько с возросшей ценностью одежды, сколько с общим ростом смертности или страхом скорой смерти.

Однако было бы ошибочно сводить динамику упоминаний одежды исключительно к эпидемическим всплескам. Из той же сводной таблицы видно, что на хронологический промежуток 1324–1350 гг. пришлось только 16 лет (32% от 50 лет), в которых были завещательные акты с упоминанием текстильных предметов. Во второй половине века количество лет увеличилось до 41 года (82%). Даже если исключить годы эпидемий, завещания, где фигурировала одежда, стали фиксироваться более чем в два раза чаще. Это вряд ли может быть связано с общим ростом завещательной практики, поскольку по данным А. Бушби, самый активный период регистрации завещаний приходится на 1290–1385 гг., а самые заметные скачки роста были отмечены в 1307 г. и 1328 г. [Bushby 2019, p. 19]. Однако датированное упоминание одежды появляется только в 1324 г. – оно связано с актом уже упомянутого Тройного Джона (John de Triple). Таким образом, появление текстиля в завещательных актах никак не соотносится с приведенными годами.

Рост числа завещаний, в которых упоминается одежда, во второй половине века можно объяснить двумя причинами. Первая связана с развитием текстильной промышленности: после 1350-х гг. ткачество становится ключевой отраслью английской промышленности, суконное ремесло развивается как в городах, так и в сельской местности, растет импорт тканей и расширяется рынок текстиля внутри самой Англии [Lee 2018, p. 9–10]. Вторая причина может быть вызвана постепенным повышением ценности одежды в сознании горожан. Складывающаяся в середине века система моды, делает костюм значимым активом. Хотя мода предполагает быструю смену стилей, завещание предметов текстиля сохраняло и, вероятно, повышало свою значимость: завещатель передавал не «вышедшую из моды вещь», а одежду, которая сохраняла свою материальную и символическую ценность долгие годы. Более того, ткани, особенно шерстяные, были высокого качества и сохраняли пригодность, а, значит, их можно было при необходимости

перешить, изменив фасон в соответствии с новыми требованиями моды. Это позволяет говорить о влиянии моды на рост значимости одежды в завещаниях. Разумеется, сделанные выводы носят предварительный характер и неизбежно предполагают дальнейшее изучение источников по данной проблеме как в отношении более детального исследования самих текстов завещательных распоряжений (в частности, неявных обозначений одежды или же соседства упоминаний одежды с иным завещаемым имуществом), так и в отношении социального контекста, к которому относятся эти завещания.

Подводя итог, следует отметить, что XIV в., невзирая на масштабные кризисы, был отмечен развитием городской жизни и укреплением позиций торгово-ремесленной части населения, для которой в условиях активного процесса социального расслоения одежда и текстиль становились не просто предметами гардероба и домашнего обихода, а инструментами социальной репрезентации и показателем статуса. Распределение текстильных вещей в завещаниях демонстрирует разные виды социальных связей. Во-первых, дарение вещей отражало межличностные отношения, показывая привязанность завещателя к конкретным людям через передачу дорогого имущества (как в экономическом, так и в мемориальном смысле). Во-вторых, завещание одежды не только демонстрировало статус человека через качество и богатство костюма, но и показывало, кому из своей корпорации он готов передать эти знаки отличия, тем самым публично обозначая степень близости и доверия. В-третьих, передача одежды в пользу слуг несла двойной смысл. С одной стороны, она могла свидетельствовать о поддержании существующей иерархии, в которой «господин» проецирует свою идентичность на подчиненного. С другой стороны, дарение «костюма не по статусу» могло указывать на относительную деконструкцию социальной дифференциации, размывая жесткие сословные границы через личный акт завещания. Кроме того, вещи могли выступать в роли гаранта спасения души. Динамика упоминаний одежды выявляет несколько тенденций: зависимость роста числа завещаний от кризисов, таких как вспышки чумы, и устойчивый рост во второй половине XIV в., связанный либо с расширением текстильного

рынка, либо с зарождением моды, повысившей значение костюма. Таким образом, практика дарения одежды как объекта наследования в завещаниях англичан XIV в. показывает, что предметы текстиля не были только утилитарным имуществом, а являлись многофункциональным социальным инструментом.

ЛИТЕРАТУРА

Андерссон 2006 – *Андерссон Е.* Одежда в средневековых завещаниях в Швеции, 1200–1420 гг. 2006. С. 1–6. URL: https://www.studmed.ru/andersson-e-odezhda-v-srednevekovyh-zaveschaniyah-shvecii-1200-1420-g_067e94a431f.html (дата обращения: 23.09.2026).

Бродель 2007 – *Бродель Ф.* Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. Т. 1. Структуры повседневности: возможное и невозможное. М.: Весь мир, 2007. 592 с.

Булаева 2020 – *Булаева М.Н.* Социальный облик Лондона XIV века через призму завещаний // Изв. Сарат. ун-та Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2020. Т. 20. Вып. 1. С. 47–57.

Гурьянова 2023 – *Гурьянова М.* Трансгрессия в моде. От нарушения к норме. М.: Новое литературное обозрение, 2023. 144 с.

Делюмо 2006 – *Делюмо Ж.* Цивилизация Возрождения. Екатеринбург: У-Фактория, 2006. 720 с.

Кокорева 2024 – *Кокорева Е.Б.* Влияние эпидемии Черной смерти на дестабилизацию европейского общества // Социология. 2024. № 6. С. 204–209.

Колганова 2022 – *Колганова В.А.* Пандемия чумы середины XIV в. в Европе: Актуальные проблемы современной историографии // Ученые записи федерального университета имени В. И. Вернадского. Серия «Исторические науки». 2022. Т. 8. № 4. С. 86–103.

Ле Гофф 2005 – *Ле Гофф Ж.* Цивилизация средневекового Запада. Екатеринбург: У-Фактория, 2005. 560 с.

Леонова 2020 – *Леонова Т.А.* «Клирик должен выглядеть согласно своему статусу»: визуальная социализация приходского

духовенства средневековой Англии // Религия. Церковь. Общество. 2020. Вып. IX. С. 216–231.

Липовецкий 2012 – *Липовецкий Ж.* Империя эфемерного. Мода и ее судьба в современном обществе. М.: Новое литературное обозрение, 2012. 336 с.

Мосолкина 2017 – *Мосолкина Т.В.* Социальная история Англии XIV–XVII вв. М.; СПб: Центр гуманитарных инициатив, 2017. 416 с.

Пастуро 2001 – *Пастуро М.* Повседневная жизнь Франции и Англии во времена рыцарей круглого стола. М.: Молодая гвардия. 2001. 239 с.

Праздников 2007 — *Праздников А.Г.* Английский город XIV–XV веков: социальная структура и менталитет. Киров: Изд-во ВятГУ, 2007. 204 с.

Репина 1979 – *Репина Л.П.* Сословие горожан и феодальное государство в Англии XIV в. М.: Наука, 1979. 218 с.

Савчинский, Ильичев, Ситало 2018 – *Савчинский В.Э., Ильичев А.В., Ситало М.С.* Возникновение и развитие повседневной английской одежды в эпоху средних веков (VII–XV) // Парадигмы истории и общественного развития. Вып. 11. Севастополь: СевГУ, 2018. С. 50–57.

Сванидзе 2013 – *Сванидзе А.А.* Грани Средневековья: Калейдоскоп. М.: Новый Хронограф, 2013. 416 с.

Чернова 2016 – *Чернова Л.Н.* Под сенью Святого Павла: деловой мир Лондона XIV–XVI вв. М.; СПб: Центр гуманитарных инициатив, 2016. 366 с.

Burgess 1987 – *Burgess C.* "By Quick and by Dead": Wills and Pious Provision in Late Medieval Bristol // The English Historical Review. 1987. Vol. 102. № 405. P. 837–858.

Bushby 2019 – *Bushby A.* "Demographic Patterns in Medieval London Inferred from Wills Probated in the Court of Husting, 1259–1688" Master's thesis, McMaster University, 2019. 82 p.

Crawford 1996 – *Crawford J.* Clothing Distributions and Social Relations c. 1350–1500 // Clothing Culture, 1350–1650 / ed. by C. Richardson. London: Routledge, 2016. P. 153–165.

Douglas 1996 – *Douglas M.* Natural Symbols: Explorations in cosmology. London and New York: Routledge, 1996. 183 p.

Jones, Stallybrass 2000 – *Jones A.R., Stallybrass P.* Renaissance Clothing and the Materials of Memory. Cambridge: Cambridge University Press, 2000. 368 p.

Lee 2015 – *Lee J.S.* The Medieval Clothier. Woodbridge: Boydell Press, 2018. 365 p.

Pirenne H. – *Pirenne H.* Economic and Social History of Medieval Europe. London: Routledge, 2015. 264 p.

Salter 2016 – *Salter E.* Reworked Material: Discourses of Clothing Culture in Early Sixteenth-Century Greenwich // Clothing Culture, 1350–1650 / ed. by C. Richardson. London: Routledge, 2016. P. 179–195.

Staples 2008 – *Staples K.K.* Identifying Women Proprietors in Wills from Fifteenth-Century London // Early Modern Women. 2008. Vol. 3. P. 239–243.

REFERENCES

Andersson, E. (2006), *Odezhda v srednevekovykh zaveshchaniyakh v Shvetsii, 1200–1420 gg.* [Clothing in Medieval Wills in Sweden, 1200–1420], available at: https://www.studmed.ru/andersson-e-odezhda-v-srednevekovyh-zaveschaniyah-shvecii-1200-1420-g_067e94a431f.html (Accessed 23 September 2026).

Braudel, F. (2007), *Material'naya civilizaciya, ehkonomika i kapitalizm, XV–XVIII vv. T. 1. Struktury povsednevnosti: vozmozhnoe i nevozmozhnoe* [Civilisation matérielle, économie et capitalisme, XVe-XVIIIe siècle], Ves' Mir, Moscow, Russia.

Bulaeva, M.N. (2020), "The Social Image of 14th-Century London through the Prism of Wills", *Izvestiya Saratovskogo universiteta, History. International Relations*, vol. 20, no. 1, pp. 47–57.

Burgess, C. (1987), "By Quick and by Dead: Wills and Pious Provision in Late Medieval Bristol", *The English Historical Review*, vol. 102, no. 405, pp. 837–858.

Bushby, A. (2019), *Demographic Patterns in Medieval London Inferred from Wills Probated in the Court of Husting, 1259–1688*, Master's Thesis, McMaster University, Hamilton, Canada.

Chernova, L.N. (2016), *Pod sen'yu Svyatogo Pavla: delovoj mir Londona XIV–XVI vv.* [Under the Shadow of St. Paul's: The Business World of

London in the XIV–XVI Centuries], Centr gumanitarnyh iniciativ, Moscow; St. Petersburg, Russia.

Crawford, J. (2016), "Clothing Distributions and Social Relations c. 1350–1500"*, Clothing Culture, 1350–1650*, in Richardson, C. (ed.), Routledge, London, UK, pp. 153–165.

Delumeau, J. (2006), *Civilizaciya Vozrozhdeniya* [Le civilisation de la renaissance], U-Faktoriya, Yekaterinburg, Russia.

Douglas, M. (1996), *Natural Symbols: Explorations in Cosmology*, Routledge, London and New York, UK/USA.

Gur'yanova, M. (2023), *Transgressiya v mode. Ot narusheniya k norme* [Transgression in Fashion: From Violation to Norm], Novoe literaturnoe obozrenie, Moscow, Russia.

Jones, A.R. and Stallybrass, P. (2000), *Renaissance Clothing and the Materials of Memory*, Cambridge University Press, Cambridge, UK.

Kokoreva, E.B. (2024), "Vliyanie ehpidemii Chernoj smerti na destabilizaciyu evropejskogo obshchestva", *Sociology*, no. 6, pp. 204–209.

Kolganova, V.A. (2022), "The Plague Pandemic of the Mid-14th Century in Europe: Current Problems of Modern Historiography", *Uchenye zapisi federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Seriya "Istoricheskie nauki"*, vol. 8, no. 4, pp. 86–103.

Le Goff, J. (2005), *Civilizaciya srednevekovogo* Zapada [La civilization de l'occident medieval], U-Faktoriya, Yekaterinburg, Russia.

Lee, J. S. (2018), *The Medieval Clothier*, Boydell Press, Woodbridge, UK.

Leonova, T.A. (2020), " 'A Cleric Must Look According to His Status': Visual Socialization of the Parish Clergy in Medieval England", *Religion. Church. Society*, vol. IX, pp. 216–231.

Lipoveckij, G. (2012), *Imperiya ehfemernogo. Moda i ee sud'ba v sovremennom obshchestve* [L'empire de l'éphémère: la mode et son destin dans les sociétés modernes], Novoe literaturnoe obozrenie, Moscow, Russia.

Mosolkina, T.V. (2017), *Social'naya istoriya Anglii XIV– XVII vv.* [Social History of England in the XIV– XVII Centuries], Centr gumanitarnyh iniciativ, Moscow; St. Petersburg, Russia.

Pastoureau, M. (2001), *Povsednevnaya zhizn' Francii i Anglii vo vremena rycarej kruglogo stola* [La Vie Quotidienne en France et Angleterre au

Temps des Chevaliers de la Table Ronde], Molodaya gvardiya, Moscow, Russia.

Pirenne, H. (2015), *Economic and Social History of Medieval Europe*, Routledge, London, UK.

Prazdnikov, A.G. (2007), *Anglijskij gorod XIV–XV vekov: social'naya struktura i mentalitet* [The English City of the XIV–XV centuries: Social Structure and Mentality], Izdatel'stvo VyatGU, Kirov, Russia.

Repina, L.P. (1979), *Soslovie gorozhan i feodal'noe gosudarstvo v Anglii XIV v.* [The Estate of Townspeople and the Feudal State in England in the 14th Century], Nauka, Moscow, Russia.

Salter, E. (2016), "Reworked Material: Discourses of Clothing Culture in Early Sixteenth-Century Greenwich", *Clothing Culture, 1350–1650*, in Richardson, C. (ed.), Routledge, London, UK, pp. 179–195.

Savchinskij, V.E., Il'ichev, A.V. and Sitalo, M.S. (2018), *Vozniknovenie i razvitie povsednevnoi angliiskoi odezhdy v ehpokhu srednikh vekov (VII–XV)* [The Emergence and Development of Casual English Clothing in the Middle Ages (VII–XV)], in *Paradigmy istorii i obshchestvennogo razvitiya* [Paradigms of History and Social Development], Sevastopol State University Publ., Sevastopol, no. 11, pp. 50–57.

Staples, K.K. (2008), "Identifying Women Proprietors in Wills from Fifteenth-Century London", *Early Modern Women*, vol. 3, pp. 239–243.

Svanidze, A.A. (2013), *Grani Srednevekov'ya: Kalejdoskop* [Facets of the Middle Ages: A Kaleidoscope], Novyj Khronograf, Moscow, Russia.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Софья Б. Курская, студентка бакалавриата, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики – Санкт-Петербург», Санкт-Петербург, Россия; 190121, Россия, Санкт-Петербург, ул. Союза Печатников, д. 16; sb.kurskaia@edu.hse.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Sofia B. Kurskaia, bachelor student, National Research University "Higher school of economics – Saint Petersburg", Saint Petersburg, Russia; bld. 16, Soyuza Pechatnikov Street, St. Petersburg, Russia, 190121; sb.kurskaia@edu.hse.ru

Поступила в редакцию: 14.07.2026
Поступила рецензия: 05.08.2026
Принята к публикации: 18.08.2026

УДК 7.036 “1920/1930”

Агиттекстиль в системе визуальной пропаганды революционных праздников в СССР в 1920–1930-е гг.

Дарья С. Вельмушкина
Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, dashavelm@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена агитационному текстилю как феномену советской визуальной пропаганды в 1920–1930-е гг. На материале архивных документов, теоретических манифестов конструктивистов и сохранившихся образцов тканей рассматривается процесс внедрения революционной символики и индустриальной эстетики в повседневную предметную среду. Особое внимание уделяется роли агиттекстиля в оформлении революционных праздников – первомайских и октябрьских демонстраций, где одежда из пропагандистских тканей становилась коллективной презентацией нового советского человека. Автором проводится анализ художественных принципов, разработанных В.Ф. Степановой, Л.С. Поповой и другими художниками-конструктивистами: геометрический орнамент, эмблематика (серп и молот, звезда, трактор), аскетичная цветовая гамма (красный, черный, серый, белый). В статье показано как через утилитарный массовый предмет – ткань – государство воздействовало на сознание и подсознание потребителей, формируя новый быт и коллективную идентичность. Кроме того, исследователем упоминается о проблематике агитационного текстиля: критические дискуссии конца 1920-х – начала 1930-х гг. (А. Федоров-Давыдов, Д. Аркин) и постановление СНК 1933 г., ограничившее производство агитационных тканей. Агиттекстиль трактуется как уникальный синтез авангардного искусства, промышленного производства и идеологии, сохранивший свое значение как исторический документ эпохи и источник для изучения советской повседневности и визуальной культуры.

© Вельмушкина Д.С., 2026

Ключевые слова: агиттекстиль, визуальная пропаганда, советский текстиль, революционные праздники, конструктивизм, В.Ф. Степанова, Л.С. Попова, история повседневности, советская мода

Для цитирования: Вельмушкина Д.С. Агиттекстиль в системе визуальной пропаганды революционных праздников в СССР в 1920–1930-е гг. // Молодой историк. 2026. № 3(7). С. 31–42.

Agitation textiles in the system of visual propaganda of revolutionary holidays in the USSR in the 1920s–1930s

Daria S. Velmushkina
Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, dashavelm@gmail.com

Abstract. The article examines agitation textiles as a phenomenon of Soviet visual propaganda in the 1920s–1930s. Drawing on archival documents, theoretical manifestos of the constructivists and surviving fabric samples, the paper traces the process of introducing revolutionary symbolism and industrial aesthetics into the everyday material environment. Particular attention is paid to the role of agitation textiles in the decoration of revolutionary holidays – May Day and October demonstrations – where clothing made of propaganda fabrics served as a collective presentation of the new Soviet person. The author analyzes the artistic principles developed by V.F. Stepanova, L.S. Popova, and other constructivist artists: geometric ornament, emblems (hammer and sickle, star, tractor), and an ascetic color palette (red, black, grey, white). The article demonstrates how through a utilitarian mass object – fabric – the state influenced the consciousness and subconsciousness of consumers, shaping a new way of life and collective identity. Furthermore, the researcher mentions the problematic nature of agitation textiles, touching upon critical discussions of the late 1920s – early 1930s (A. Fedorov-Davydov, D. Arkin) and the 1933 decree of the Council of People's Commissars that restricted the production of agitation fabrics. Agitation textiles are interpreted as a unique synthesis of avant-garde art, industrial production and ideology, retaining their

significance as a historical document of the era and a source for the study of Soviet everyday life and visual culture.

Keywords: agitation textiles, visual propaganda, Soviet textiles, revolutionary holidays, constructivism, V.F. Stepanova, L.S. Popova, history of everyday life, Soviet fashion

For citation: Velmushkina, D.S. (2026), "Agitation textiles in the system of visual propaganda of revolutionary holidays in the USSR in the 1920s–1930s", *Young Historian*, no. 3(7), pp. 31–42.

Провозглашенный в 1918 г. ленинский план «монументальной пропаганды» предполагал не только изменение городского пространства, но и «замену надписей, эмблем, названий улиц, гербов и т.п. новыми, отражающими идеи и чувства революционной трудовой России»[1]. Художники восприняли это как возможность через бытовые предметы внедрять новое мировоззрение. Агитационный текстиль представляет собой ткани с рисунками на пропагандистскую тематику, выпускавшиеся советской легкой промышленностью во второй половине 1920-х – начале 1930-х гг. Данный феномен определяется как воплощение идеологии в орнаменте, отражение пафоса индустриализации, электрификации и коллективизации в доступной для населения материи [Лебина 2018, с. 45]. Тем самым искусство выходило за пределы музеев и стремительно распространялось в текстильной отрасли. Ткань выполняла не только утилитарную, но и идеологическую функцию: человек буквально нес революционную символику на своей одежде. Как отмечал В.И. Ленин, «искусство должно быть проникнуто духом борьбы, поднимать народ на решение великих исторических задач»[2].

Возникновение агиттекстиля непосредственно связано с художественными поисками русского авангарда, прежде всего конструктивизма, утверждавшего принцип «производственного

[1] Декрет о памятниках Республики // Декреты Советской власти. Том II. 17 марта – 10 июля 1918 г. М.: Гос. издат-во политической литературы, 1959. С. 95

[2] Ленин В.И. О пролетарской культуре // Полное собрание сочинений. 5-е изд. М.: Политиздат, 1974. С. 336—337.

искусства» [Хан-Магомедов 2003, с. 89–91] Художники-конструктивисты провозглашали отказ от «искусства ради искусства» и утверждали, что дизайнер должен быть инженером и организатором предметной среды. Вместо декоративного украшательства дизайнер должен был вносить «художественный момент организации вещи в принцип создания самой утилитарной вещи»[3]. Переход от лабораторных экспериментов к реальной работе в промышленности стал программным требованием: в 1923 г. группа художников-конструктивистов прямо заявляла об этом в докладной записке в ИНХУК[4].

Реальная возможность воплотить эти установки появилась в 1922 г., когда в Москве после трехлетнего перерыва начала работу Первая ситценабивная фабрика – национализированная мануфактура товарищества «Эмиль Циндель» [Лаврентьев 1992, с. 28]. Выпуск тканей по образцам западных модных журналов был признан идеологически неприемлемым. Дирекция обратилась через газету «Правда» к художникам с призывом о сотрудничестве. Откликнулись Любовь Попова, Варвара Степанова и ее муж Александр Родченко. Для них это был шанс реализовать главный принцип конструктивизма – творчество, органично встроенное в производственный процесс на благо народа. Несмотря на недопонимание консервативных художественных деятелей с конструктивистами, за неполный 1924 г. было создано несколько сотен орнаментов, выполненных в совершенно новой для того времени стилистике: геометрические формы, контрастные цветовые сочетания, четкая ритмическая структура. Из них около двадцати эскизов было отобрано для производства, и уже летом 1924 г. ткани с этими рисунками получили массовое распространение в Москве [Лаврентьев 1992, с. 31]. Это был первый случай, когда авангардное искусство вышло на уровень массового потребления.

Художественные особенности разработанных орнаментов определялись принципиальной установкой В.Ф. Степановой на

[3] Степанова В.Ф. Человек не может жить без чуда // Варвара Степанова: Человек не может жить без чуда. М., 2010. С. 130–145.

[4] Докладная записка группы конструктивистов в ИНХУК. 1923 // РГАЛИ. Ф. 941. Оп. 1. Ед. хр. 45. Л. 1–5.

разрыв с любой традицией – как буржуазной, так и народной. Она создавала язык индустриальной современности, максимально приспособленный к возможностям машинного производства[5]. Это был сознательный отказ от всего, что могло напоминать о дореволюционном прошлом: от растительных орнаментов, от сложных криволинейных узоров, от «мещанской» эстетики»[6]. В ее творчестве сложились несколько устойчивых типов орнаментов. Первый тип – «сетка» или «решетка»: прямоугольные и квадратные модули создавали видимость каркаса, символизируя порядок, организацию, социалистическое строительство[7]. Второй тип – «динамический»: пересечение диагональных полос и зигзагов имитировало движение механизмов, однако в праздничном контексте этот же ритм воспринимался как движение демонстрационных колонн[8]. Третий тип – «эмблематический»: стилизованные серп и молот, пятиконечная звезда, силуэт трактора, самолета, шестеренка – прямая агитация, вплетенная в ткань[9]. Как писала В.Ф. Степанова, «орнамент есть организованный труд глаза. Мы должны идти от проектировки костюма к проектированию структуры ткани»[10].

Цветовое решение подчинялось строгой экономии. Использовалось два-три, реже четыре цвета: красный, черный, серый, белый[11]. Конструктивистская эстетика требовала активных, «сигнальных» цветов, противопоставленных «мещанской» неопределенности тонов дореволюционных ситцев. Красный – главный цвет революционных праздников – неизменно доминировал.

---

[5] Варст (Степанова В.Ф.). От костюма к рисунку и ткани // Вечерняя Москва. 1928. 28 февраля.

[6] Степанова В.Ф. Человек не может жить без чуда: Письма, поэтические опыты, записки художницы. М., 2010. С. 74–82.

[7] Там же. С. 76.

[8] Там же. С. 76–77.

[9] Там же.

[10] Там же. С. 78.

[11] Степанова В.Ф. Костюм сегодняшнего дня – прозодежда // ЛЕФ. 1923. № 2. С. 65–68.

Наиболее репрезентативные образцы агитационного текстиля демонстрируют прямую корреляцию с праздничной культурой и революционной семиотикой. Показателен ситец «Серп и молот» (С.П. Бурылин, 1924–1925), удостоенный Золотой медали Международной выставки в Париже (1925) и закрепившийся в качестве эталонного произведения[12]. Символическим воплощением коллективизации выступил ситец «Трактор» (П.Г. Леонов, 1930) [Игнаткова 2024, с. 35]. Шерстяные ткани «Фабричный гудок» и «Стройка» фиксировали индустриальное развитие через изображения фабричных корпусов, шестерён, снопов, электрических ламп и подъемных кранов [Игнаткова 2024, с. 36]. Отдельную группу составляли юбилейные полотна, в том числе ткань «К юбилею революции 1905 года» производства Трехгорной мануфактуры. Ивановские агитационные ткани же стали своеобразной летописью эпохи – по ним можно проследить, как менялись приоритеты государственной политики, как конструировался образ нового человека.

Праздничные шествия служили главной демонстрационной площадкой для нового советского костюма из агитационных материалов. В.Ф. Степанова подчеркивала: «сегодняшний костюм надо смотреть в действии», вне движения теряется его сущностная характеристика[13]. Первомайские и октябрьские демонстрации стали центральным «подиумом» советской моды: участники выходили на улицы в одежде из агитационных тканей, что представляло собой коллективную презентацию новой эстетики. К демонстрационному облачению предъявлялись нормативные требования – чистота, опрятность и праздничный вид [Бибикова 1984, с. 16]. Примечательно, что именно в СССР женские брюки впервые получили легитимацию на государственном

[12] Бурылин С.П. «Серп и молот» (1924–1925) [изображение текстильного рисунка] // Ивановский государственный историко-краеведческий музей имени Д.Г. Бурылина (Музей ивановского ситца). URL: https://files.mediiia.ru/postimages/48345/a709739feb3f4d079262292f920098f9/1bb1f7ca4d314fb2b302796e0c569bbd1152x1152.jpg (дата обращения: 21.08.2026).

[13] Степанова В.Ф. Костюм сегодняшнего дня – прозодежда // ЛЕФ. 1923. № 2. С. 65–68.

уровне: физкультурницы участвовали в парадах на Красной площади в спортивных штанах и коротких шортах [Лебина 1999, с. 44]. События трактовались как смотр мобилизованных масс, зрелищное шествие, где революционные идеи воплощались в ярких, праздничных образах колонны с флагами, портретами вождей и плакатами заполняли центральные магистрали, а вся эта праздничная масса была облачена в ткани, обладавшие самостоятельным агитационным потенциалом.

Во второй половине 1920-х гг. главным проводником агитационно-тематических узоров в текстиле стало ОМАХРР (Объединение молодежи Ассоциации художников революционной России), объединившее студентов и выпускников Вхутеина с его специализированной текстильной секцией [Касьянова 2023, с. 853–858]. Это объединение активно продвигало новое направление в орнаментации, рассматривая его как инструмент праздничной пропаганды. По инициативе молодых художников при Всесоюзном текстильном синдикате учредили художественный совет – идеологического координатора, внедрявшего на фабриках агитационно-тематические рисунки. К исходу 1920-х гг. тематическое решение набивных орнаментов стало практически обязательным для большинства предприятий. Масштабы процесса иллюстрирует тот факт, что за несколько лет было сточено более 5 тысяч гравированных медных валов с цветочными узорами, уступивших место новым мотивам [Брызгов 2019, с. 14–15]. Особенно стремительно эту эстетику освоили художники Иваново-Вознесенского треста, Трехгорной мануфактуры и 1-й ситценабивной фабрики.

В 1928–1933 гг. мастера активно создавали тематические композиции для платьевых и декоративных тканей, платков и скатертей. Орнамент насыщался образами тракторов, комбайнов, сеялок, кранов, самолетов, электроламп, спортсменов, пароходов, заводов, аэростатов, паровозов, а также эмблематикой (звезда, серп и молот) – всей совокупностью символов индустриализации и коллективизации. Возникли и сюжетные композиции: сцены жатвы, физкультурных занятий по радио, эпизоды Гражданской войны, ткачихи у станка, субботники, туризм – эти мотивы

превращались в праздничную агиографию нового быта [Карева 2024].

Особое место в ивановском рисунке занимали «перекаты» – изображения, в которых мотив словно пульсирует благодаря варьированию толщины и частоты штрихов. Перевод изобразительного мотива в условную графику порождал оригинальное орнаментальное решение: в пределах одного цвета (красного, темно-синего, черного, коричневого) в сочетании с фоном мастера достигали высокой декоративной выразительности. Этот прием обеспечивал динамичную игру силуэтных и линейно-штриховых элементов. Многократное повторение деталей не воспринималось монотонно, а также позволяло экономить краситель. Гармония вращающихся механизмов представала в многообразных комбинациях, передавая пульс индустриального труда, осмысленного как праздничное действо.

Агитационный характер ткани нередко усиливался включением аббревиатур – КИМ, СССР, РСФСР, ВКП(б), а также цифр 4 и 5, отсылавших к лозунгу «Пятилетку – в четыре года». Тематический спектр был исключительно широк: «Красноармейцы на страже», «На параде», «Пионеры на линейке», «Шагающие пионеры», «1 мая», «Международный женский день», «Ударная бригада» – все эти сюжеты передавали интенсивный ритм эпохи преобразований. Значительное место отводилось спорту, причем особой популярностью пользовался водный спорт: парусники, водное поло, гребцы – данные мотивы варьировались в огромном количестве вариантов, подчеркивая культ физического здоровья и коллективной состязательности [Игнаткова 2024, с. 36–37].

Однако всеобщее увлечение тематическим набивным рисунком, воспринимавшимся как «советский орнамент», оказалось непродолжительным. Вскоре в печати появились критические оценки, ставившие под сомнение саму возможность использования агитационных сюжетов на носильных тканях. Искусствовед А. Федоров-Давыдов указывал на принципиальное противоречие между функцией ткани и сложным повествовательным рисунком: «Поскольку мы имеем дело с материей для рубашки, юбки и т. п., мы можем сразу же сказать, что здесь совершенно невозможно применение сколько-нибудь развитого и сложного

повествовательного рисунка, поскольку эта ткань находится в движении, закладывается в складки… все попытки советизации текстильного рисунка в области носильной ткани по самой природе вещей ограничены узкими рамками тематики»[14]. Д.Е. Аркин также критиковал механический перенос приемов плаката и станковой живописи на ткань, отмечая, что крой и пошивка деформируют изображение вплоть до абсурда, а восприятие искажается ассоциативными наслоениями[15]. Он настаивал: текстильный узор должен быть не «развернутым сюжетом», а сюжетным мотивом, декоративно переработанным в орнамент.

Вместе с тем многие художники, прежде всего выпускники Вхутемаса-Вхутеина, действительно создавали орнаментальные композиции с учетом специфики ткани. Однако непрекращающиеся попытки нагрузить рисунок несвойственной ему политико-просветительной функцией вызывали все более резкую критику. Кульминацией стало специальное постановление СНК 1933 г., констатировавшее недопустимость выпуска тканей с рисунками, вульгаризирующими идеи социализма[16].

Тем не менее агиттекстиль того периода остается одним из наиболее ярких и массовых воплощений авангардной эстетики в советской повседневности. Ивановские ткани, обладающие высокой художественной и философской убедительностью, наглядно эксплицируют утопические установки послереволюционной эпохи. В них агрессивный пропагандистский заряд был завуалирован художественно привлекательным образом, что обеспечивало достижение цели – через утилитарный массовый предмет воздействие на сознание и подсознание потребителей оказывалось на протяжении

---

[14] Федоров-Давыдов А.А. Искусство текстиля // Изофронт: Классовая борьба на фронте пространственных искусств: Сб. ст. объединения «Октябрь». М.; Л., 1931. С. 69–101.

[15] Аркин Д.Е. Рисунок – неотъемлемая часть качества ткани // Голос текстилей. 1931. № 69. С. 3

[16] Постановление СНК СССР «О производстве тканей с политическими рисунками» от 15 марта 1933 г. // Собрание узаконений и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства. 1933. № 22. Ст. 118.

десятилетий. Таким образом, праздничная культура обрела в агиттекстиле свое визуальное и идеологическое выражение, а сам текстиль стал неотъемлемым элементом советского праздничного канона.

БЛАГОДАРНОСТИ

Статья выполнена в рамках проекта РГГУ «История советской повседневности в оптике социального конструирования» (конкурс «Студенческие проектные научные коллективы РГГУ»).

ACKNOWLEDGEMENTS

This article was carried out within the RSUH project "The History of Soviet Everyday Life in the Lens of Social Construction" ("Student Project Research Teams of the RSUH" contest).

ЛИТЕРАТУРА

Бибикова 1984 – *Бибикова И.М.* Оформление революционных празднеств // Советское декоративное искусство. Материалы и документы. Агитационно-массовое искусство, 1917–1932: оформление празднеств. Т. 1. М.: Изд-во Искусство, 1984. С. 16–41.

Брызгов 2019 – *Брызгов Н.В.* История СССР в отражении рисунков набивных тканей: 1920–1940-е гг. // «Белые пятна» российской и мировой истории. М.: Изд-во Аналитика Родис, 2019. С. 10–31.

Игнаткова 2024 – *Игнаткова А.Д.* Сюжетные текстильные рисунки 1920–1930-х гг.: содержательные и формальные аспекты // Культура и искусство. 2024. № 10. С. 34–50.

Карева 2024 – *Карева Г.А.* Агитационный текстиль 1920–1930-х годов: к вопросу о Центральной рисовальной мастерской при Иваново-Вознесенском государственном текстильном тресте // Журнал ВШЭ по искусству и дизайну. 2024. № 2. С. 172–193.

Касьянова 2023 – *Касьянова А.М.* Развитие агитационного текстиля в 1920–1930 гг. // Гуманитарные науки в современном вузе:

вчера, сегодня, завтра: к 280-летию со дня рождения российской просветительницы княгини Е.Р. Дашковой. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна, 2023. С. 853–858.

Лаврентьев 1992 – *Лаврентьев А.Н.* Варвара Степанова и Александр Родченко: текстильный дизайн. М.: Изд-во Искусство, 1992. 144 с.

Лебина 1999 – *Лебина Н.Б.* Повседневная жизнь советского города: нормы и аномалии 1920–1930-х годов. СПб.: Изд-во Летний сад, 1999. 320 с.

Лебина 2018 – *Лебина Н.Б.* Энциклопедия банальностей: Советская повседневность. СПб.: Изд-во Нева, 2018. 320 с.

Хан-Магомедов 2003 – *Хан-Магомедов С.О.* Конструктивизм: концепция формообразования. М.: Изд-во Стройиздат, 2003. 576 с.

REFERENCES

Bibikova, I.M. (1984), *Oformlenie revoluzionnyh prazdnestv* [Decoration of revolutional celebrations], in *Kultura i iskusstvo. Materialy i dokumenty. Agitatsionno-massovoe iskusstvo, 1917–1932: oformlenie prazdnestv* [Soviet Decorative Art. Materials and Documents. Agitation-Mass Art, 1917–1932: Decoration of Celebrations], vol. 1, Iskusstvo, Moscow, Russia, pp. 16–41.

Bryzgov, N.V. (2019), *Istoriia SSSR v otrazhenii risunkov nabivnykh tkanei: 1920–1940-e gg.* [History of the USSR in the reflection of printed fabric designs: 1920s–1940s], in *"Belye piatna" rossiiskoi i mirovoi istorii* ["White spots" of Russian and world history], Analitika Rodis, Moscow, Russia, pp. 10–31.

Ignat'kova, A.D. (2024), "Thematic textile designs of the 1920s–1930s: content and formal aspects", *Kul'tura i iskusstvo. Iskusstvo i dizain*, no. 10, pp. 34–50.

Kareva, G.A. (2024), "Agitation textiles of the 1920s–1930s: on the Central Drawing Workshop at the Ivanovo-Voznesensk State Textile Trust", *Zhurnal VShE po iskusstvu i dizainu*, no. 2, pp. 172–193.

Kas'ianova, A.M. (2023), *Razvitie agitatsionnogo tekstilia v 1920–1930 gg.* [The development of agitation textiles in the 1920s–1930s], in *Gumanitarnye nauki v sovremennom vuze: vchera, segodnia, zavtra: k 280-letiiu so dnia rozhdeniia rossiiskoi prosvetitel'nitsy kniagini E.R. Dashkovoi* [Humanities in the modern university: yesterday, today, tomorrow: to the 280th anniversary of the birth of the Russian enlightener Princess E.R. Dashkova], Sankt-Peterburgskii gosudarstvennyi universitet promyshlennykh tekhnologii i dizaina, St. Petersburg, Russia, pp. 853–858.

Lavrent'ev, A.N. (1992), *Varvara Stepanova i Aleksandr Rodchenko: tekstil'nyi dizain* [Varvara Stepanova and Alexander Rodchenko: textile design], Iskusstvo, Moscow, Russia.

Lebina, N.B. (1999), *Povsednevnaia zhizn' sovetskogo goroda: normy i anomalii 1920–1930-kh godov* [Everyday life of the Soviet city: norms and anomalies of the 1920s–1930s], Letnii sad, St. Petersburg, Russia.

Lebina, N.B. (2018), *Entsiklopediia banal'nostei: Sovetskaia povsednevnost'* [Encyclopedia of banalities: Soviet everyday life], Neva, St. Petersburg, Russia.

Khan-Magomedov, S.O. (2003), *Konstruktivizm: kontseptsiia formoobrazovaniia* [Constructivism: the concept of form-building], Stroiizdat, Moscow, Russia.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Дарья С. Вельмушкина, студентка бакалавриата, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125993, Россия, Москва, Миусская пл., 6; dashavelm@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Daria S. Velmushkina, bachelor student, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125993; dashavelm@gmail.com

Поступила в редакцию: 20.07.2026
Поступила рецензия: 04.08.2026
Принята к публикации: 09.08.2026

УДК 94+61(091)

«По учиненному анатомическому осмотру мертвого убитого тела явилось следующее…»: (не)очевидные аспекты проведения судебно-медицинской экспертизы в XVIII в.

Алина Р. Гарифуллина
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия, argarifullina@hse.ru

Аннотация. Система медицинских осмотров при расследовании уголовных дел требует междисциплинарных подходов. Настоящее исследование охватывает период правления монархов, которые активно прибегали к трансферу медицинских идей из Европы в Россию. Эпоха Просвещения, в свою очередь, привнесла в общество научный прогресс, отход от религиозного понимания мира в сторону рационального мышления и осознания необходимости совершенствования всех сторон жизни общества, в частности медицинской науки и санитарных норм. В статье продемонстрировано, как судебно-медицинская экспертиза пришла в уголовный процесс XVIII в.: показана эволюция от анатомических отчетов конца XVII в. с внешним осмотром тел до медицинских заключений в виде посмертных исследований конца XVIII в. В результате проведенного анализа зафиксирована законодательная декларация необходимости судебно-медицинских осмотров, а также правоприменительная практика при проведении следственной процедуры. Кроме того, установлены причины, сдерживающие вскрытия именно в судебных целях, что выводит на вопросы, связанные как с уровнем медицинского обслуживания, так и с принципами вынесения наказаний за тяжкие преступления. Сравнение с европейской практикой расследования смертей позволяет вписать зачатки судебно-медицинской экспертизы Российской империи в общий контекст эпохи.

© Гарифуллина А.Р., 2026

Ключевые слова: анатомические вскрытия, Генеральный госпиталь, правоприменительная практика, уголовное судопроизводство

Для цитирования: Гарифуллина А.Р. «По учиненному анатомическому осмотру мертвого убитого тела явилось следующее…»: (не)очевидные аспекты проведения судебно-медицинской экспертизы в XVIII в. // Молодой историк. 2026. № 3(7). С. 43–54.

"According to the anatomical examination of the murdered dead body, the following was revealed…": (un)obvious aspects of conducting a forensic medical expertise in the 18th century

Alina R. Garifullina
National Research University "Higher school of economics", Moscow, Russia, argarifullina@hse.ru

Abstract. The system of medical examinations while investigating criminal cases requires interdisciplinary approaches. The present study covers the reign of monarchs who actively resorted to the transfer of medical ideas from Europe to Russia. The Age of Enlightenment, in turn, brought scientific progress to society, departure from a religious understanding of the world towards rational thinking and the awareness of the need to improve all aspects of social life, in particular medical science and sanitary standards. The article demonstrates how forensic medical examination came to the criminal process of the 18th century: it shows the evolution from anatomical reports dating back to the late 17th century with external examination of bodies to medical reports in the form of the late 18th century postmortem examinations. As a result of the analysis, a legislative declaration of the need for forensic medical examinations was recorded, along with the law enforcement practice during the investigative procedure. Moreover, there were established the reasons that deter autopsies for judicial purposes, which leads to questions related to both the level of medical care and the principles of sentencing for serious crimes. Comparing Russian practice of investigating deaths with the European one allows one to fit the

rudiments of the forensic medical examination of the Russian Empire into the general context of the era.

Keywords: anatomical autopsies, General Hospital, law enforcement practice, criminal proceedings

For citation: Garifullina, A.R. (2026), " 'According to the anatomical examination of the murdered dead body, the following was revealed…': (un)obvious aspects of conducting a forensic medical expertise in the 18th century", *Young Historian*, no. 3(7), pp. 43–54.

Судебная медицина, как исследовательская область, является на данный момент практически не изученной историками, как специализирующимися на судебно-следственной системе, так и на истории медицины России XVIII в. Тем не менее эта тема позволяет проследить трансформацию повседневных практик. Для начала стоит обратиться к законодательной базе, регулировавшей механизм освидетельствования трупов в ходе расследования дел об убийствах. По Артикулу воинскому 1715 г. требовалось: «Кто умрет, который в драке был и бит, поколот, или порублен будет, лекарей определить, которые бы тело мертвое взрезали, и подлинно розыскали, что какая притчина к смерти ево была, и о том имеют свидетелство в суде на писме подать, и оное присягою своею подтвердить»[1]. В Артикуле 154 главы 19 «О смертном убийстве» были определены раны, считавшиеся смертельными.

Помимо этого, кодекс устанавливал необходимость учитывать орудие убийства и результаты медицинского осмотра при назначении преступнику наказания. Положения Морского устава 1720 г. предписывали докторам следующее: «Ежели убитой не скоро умрет, то свидетельствовать от тех ли побой умер…, или иная какая болезнь приключилась» для этого предполагалось «взрезать то мертвое тело и осмотреть»[2]. Вторая причина, по которой нужно было вскрывать трупы, была изложена в 114 параграфе Морского устава: «…А буде мертвый явится без всяких

[1] Артикул воинский 1715 года // Российское законодательство X–XX вв.: в 9 т. / Под общ. ред. О.И. Чистякова. Т. 4. Законодательство периода становления абсолютизма / Отв. ред. А.Г. Маньков. М., 1986. С. 355–356.
[2] Устав морской. СПб., 1780. С. 173–174.

явных знаков, то его велеть доктору анатомировать, не явится в нутри от того бою чего и буде явится, то також розыскивать; а буде не явится, то оное причесть случаю и наказать только за драку»[3]. Параграфы Морского устава позволяют прийти к выводу, что наказание напрямую зависело от результатов осмотров. В Генеральном регламенте о госпиталях 1735 г. в частности был затронут вопрос об анатомических исследованиях. Обратим внимание на пункт регламента, по которому надлежало «дабы у них в мертвых телесах недостатка не было для толкования Анатомии… из Полиции и Юстиции, и откуда казнь чинится, сколь часто быть может, казненных людей или другия найденныя мертвыя брошенныя и подкинутыя телеса, в Госпиталь присылать без замедления не вонючия»[4]. Указы же об «анатомии тел убитых людей при следствиях по смертоубийству» повторялись в 1761 г. и 1779 г.[5]

Перейдем к вопросу о том, как обстояли дела на практике. Система медицинских осмотров родилась не при Петре I, она была порождена всей предшествующей историей существования Аптекарского приказа – учреждения, посылавшего во второй половине XVII в. в некоторых случаях медиков для выяснения внешних причин смерти людей без вскрытия[6] [Худин 2021, с. 169–187]. Одним из первых дошедших до нас судебно-медицинским освидетельствованием является исследование причин гибели кравчего, датского королевича Вальдемара Кристиана, произведенное в 1644 г. и нашедшее свое отражение в так называемой «медицинской скаске»[7]. Примечательно, что осмотр был санкционирован самим царем Михаилом Федоровичем.

[3] Устав морской. СПб., 1780. С. 175.

[4] Генеральный регламент о госпиталях и о должностях определенных при них докторов и прочих медицинского чина служителей, комиссаров, писарей, мастеровых, работных и прочих к оным подлежащих людей. Утвержден декабря 24 дня 1735 г. Б.м., 1785. С. 35–37.

[5] ПСЗРИ (Полное собрание законов Российской империи). Собрание 1-е Т. 15. СПб., 1830. № 11291.; ПСЗРИ. Т. 20. № 14905.

[6] Речь идет об осмотрах трупов высокопоставленных лиц или мертвых тел простых людей в условиях эпидемий «морового поветрия».

[7] РГАДА. Ф. 143. Оп. 1. Д. 141.

Анатомические вскрытия с целью определения причины смерти начались при Петре I в учрежденных им Хирургических Училищах и Анатомических театрах при Генеральных Госпиталях в Москве и Санкт-Петербурге. В 1715 г. было проведено вскрытие тела скончавшейся после вторых родов кронпринцессы Шарлотты, супруги царевича Алексея, сына Петра I [Павленко 2008, с. 266-267]. В первой четверти XVIII в. врачи только начали отрабатывать навыки по судебно-медицинскому трупоразъятию[8].

Материалы Сыскного приказа (1730–1763) и Розыскной экспедиции (1763–1782) показывают, что одним из первых следственных действий по уголовным делам об убийствах, которое проводилось после обработки доноса, но до допросов подозреваемых, является первичный осмотр мертвого тела. Как правило, данная процедура представляла собой описание внешних повреждений на мертвом теле, выполненное служащими губернских или воеводских канцелярий, соцкими, десяцкими, пятидесяцкими: «А по осмотру явилось голова в трех местех розбита до крови, и раны велики, лице все избито сине и богрово, шея передавлена и вся синя, грудь вся синя ж, глаза и лице все багрово»[9]. Естественно, составители осмотров понимали, где «бито» или «розсечено», где «проколото» или «проломлено до крови»[10]. Результаты освидетельствования заставляли их задумываться: если на теле «горло перерезано», смерть не могла наступить от того, что «оная вся замерзла»[11], как это было заявлено изначально. В ходе анализа корпуса источников были выявлены клишированные фразы, что позволяет говорить об определенной структуре осмотра мертвого тела: в начале говорилось о наличии либо отсутствии кровавых боевых знаков на теле, затем шел обзор повреждений на теле, а в конце приводились данные о том, кто проводил осмотр, иногда говорилось о присутствии священника и понятых.

---

[8] Громов С.А. Краткое изложение судебной медицины: для академического и практического употребления. СПб., 1832. С. 29–31.

[9] РГАДА. Ф. 372. Оп. 1. Д. 133. Л. 2, 5.

[10] РГАДА. Ф. 372. Оп. 1. Д. 5. Л. 11–11 об.; РГАДА. Ф. 372 Оп. 1. Д. 187. Л. 10.

[11] РГАДА. Ф. 372. Оп. 1. Д. 1013. Л. 4.

С начала 1730-х гг. наряду с проведением первичных осмотров появляются вскрытия тел, проводимые докторами и именуемые «анатомией мертвого тела»[12]. В случае Москвы процедуру проводили медики Генерального госпиталя. Отдельного рассмотрения заслуживает механизм «освидетельствования чрез генеральную гошпиталь»[13], а также непосредственно отчеты, представляемые медиками. Обращение к судебной практике по делам об убийствах позволяет понять, что розыскное учреждение требовало от Генерального госпиталя рапорты, в которых необходимо было установить, «отчего… смерть приключилась»[14]. При этом первичный осмотр, который представлял собой краткое описание внешних повреждений, мог быть произведен на съезжем дворе, затем тело присылали в госпиталь, где и проводилось вскрытие. Примечательно, что известие из госпиталя являлось в большей степени анатомическим отчетом с разной степенью для каждого конкретного случая указываемых подробностей, объяснение причин смертей зачастую сводились к следующему: «Смерть приключилась, ибо столь большие раны никоим образом излечить невозможно…»[15] Сама формулировка «смерть приключитца»[16] встречается в Артикуле Воинском Петра I.

Однако мертвое тело отправляли на освидетельствование в госпиталь в редких случаях. Необходимо помнить, что в обществе XVIII в. наблюдалась критическая нехватка врачей. Материалы следственных органов убеждают нас в том, что наличие профессионального лекарского осмотра со вскрытием могло зависеть от того, где было совершено преступление, и, соответственно, где находилось тело. Из деревень не отправляли тела на освидетельствование в госпиталь, ограничиваясь внешним обозрением трупа. Непосредственно из Москвы трупы могли посылать в Генеральный госпиталь для вскрытия медиками. Анатомические отчеты стандартного формуляра, запросы на

[12] РГАДА. Ф. 346. Оп. 1. Ч. 1. Д. 16. Первое вскрытие трупа относится к 1731 г. См. РГАДА. Ф. 372. Оп. 1. Д. 38. Л. 17.
[13] РГАДА. Ф. 373. Оп. 1. Д. 48. Л. 2.
[14] РГАДА. Ф. 372. Оп. 1. Д. 1576. Л. 7.; РГАДА. Ф. 373. Оп. 1. Д. 48. Л. 3.
[15] РГАДА. Ф. 373. Оп. 1. Д. 122. Л. 11.
[16] Артикул воинский 1715 года… С. 355–356.

которые отправлялись из судебных учреждений, отложились в фондах Медицинской канцелярии и сменившей ее Медицинской коллегии[17]. Учрежденная Екатериной II в 1763 г. Медицинская коллегия занималась организацией мероприятий по освидетельствованию мертвых тел на центральном уровне. Служащие данного учреждения посылали докторам указы о произведении вскрытий. Помимо этого, Медицинская коллегия курировала вопросы, связанные с обеспечением медиков необходимыми для процедуры инструментами[18].

Отдельный вопрос состоит в том, какую ценность медицинские известия представляли для следствия и в какой степени принимались во внимание во время розыскных мероприятий. В 1760-х гг. наблюдается эволюционирование медицинских освидетельствований трупов, присылаемых из госпиталя: они становятся более подробными с точки зрения анатомии. Тем не менее, складывается ощущение, что даже во второй половине XVIII в. осмотры со вскрытием и не нужны были следствию, поскольку служащие Сыскного приказа, Розыскной экспедиции при работе редко обращаются к известию из госпиталя. Наказание преступникам утверждалось на основе допросов, пыток, увещеваний. К тому же, не всегда медики могли установить, наступила смерть от побоев или от других обстоятельств. В Москве в 1770-х гг. в связи с эпидемией чумы наблюдается качественное и количественное развитие процедуры судебно-медицинских осмотров трупов. Их проводили, чтобы исключить «прилипчивую болезнь»[19] и заодно установить истинную причину смерти. Немногочисленные анатомические отчеты из Московского генерального госпиталя зачастую предоставлял Афанасий Шафонский, врач, спасший Москву от «моровой язвы» 1771 г. Среди причин смерти, помимо «насильственных наружных причин», могли значиться «преломление костей» или «антонов огонь»[20]. В приговорах

[17] РГАДА. Ф. 344. Оп. 1. Ч. 2. Д. 46, 47, 48, 173, 174, 205; РГАДА. Ф. 346. Оп. 1. Ч. 1. Д. 3, 4, 16.
[18] РГАДА. Ф. 344. Оп. 1 Ч. 2. Д. 61. Л. 1–2.
[19] РГАДА. Ф. 373. Оп. 1. Д. 2159.
[20] РГАДА. Ф. 373. Оп. 1. Д. 1711, 1864, 2579.

фигурирует информация о результатах первичного осмотра тела или медицинского освидетельствования. Тем не менее следствие не принимает во внимание их заключения[21]. Вышеуказанные следственные мероприятия в теории могли установить умысел в отсутствие признания, но на практике, даже если в приговоре дана выдержка из судебно-медицинского отчета, следствие при вынесении наказания опиралось на допрос подозреваемого и результаты повального обыска.

Судебно-медицинские исследования имели место не только по делам об убийствах, но и в случаях окормления ядом. Освидетельствования не ограничивались только трупами, но были распространены и на отравленные объекты. Так, в 1772 г. фабричный Василий Косягин дал дворовому человеку Агапу Сидорову «замешенную на муке с мышъяком лепешку для отравы мышей», отчего жена Сидорова «укуся онои нечаянно умре»[22]. Когда женщина «занемогла чрезвычайною таскою и рвотою»[23], в дом Сидорова был прислан штаб-лекарь из Павловской больницы, который осмотрел больную и взял на свидетельство лепешку. Соседи заметили странности в поведении Агапа Сидорова через несколько дней после смерти жены: мужчина принес в дом еще одну лепешку и оставил ее на окне, когда находка была обнаружена, Сидоров якобы кинул лепешку в «нужник»[24]. Другие дворовые, не сумев найти лепешку, принудили Сидорова самого отыскать ее. Агап Сидоров не признал вины даже «под сечением кошками»[25]. Предполагаемый сообщник Косягин рассказал, как изготавливал подобные лепешки для отравы мышей на продажу в разные дома, получая вознаграждение в денежном либо натуральном виде. Однако по «свидетельству лепешки чрез химическия эксперименты» оказалось, что в ней не нашлось мышьяка «и никакого здравию человеческому вреднаго яду»[26]. На решение по делу повлияло объявление от помещика, который отказался

21 РГАДА. Ф. 373. Оп. 1. Д. 1711. Л. 11–14.
22 РГАДА. Ф. 373. Оп. 1. Д. 2253. Л. 1.
23 РГАДА. Ф. 373. Оп. 1. Д. 2253. Л. 4.
24 РГАДА. Ф. 373. Оп. 1. Д. 2253. Л. 5.
25 РГАДА. Ф. 373. Оп. 1. Д. 2253. Л. 10.
26 РГАДА. Ф. 373. Оп. 1. Д. 2253. Л. 21.

принять назад Сидорова «за старостию»[27], в связи с чем подозреваемый за «непредосторожность»[28] был сослан в Сибирь после наказания плетьми. Следствие, не получив в свое распоряжение улик против Косягина, отказалось от привлечения его в качестве сообщника.

В средневековой Европе, благодаря античному наследию, медицинским заключениям, обладавшим статусом экспертных оценок, придавалось большее значение, нежели другим свидетельским показаниям, чего нельзя сказать даже о России XVIII в. При этом при посмертном исследовании в России Нового времени преобладал описательный подход, который в источниках назван анатомией, в то время как европейская традиция судебной медицины, начиная со Средних веков, развивалась как предсказательный способ свидетельствования, что подразумевает фокус на последствиях полученных травм. Несмотря на то, что медико-юридические отчеты в Европе и России Нового времени схожи по структуре, европейские медики стремились не только зафиксировать повреждения на теле, но и реконструировать способ и причину смерти, попутно высказывая предположения о том, что могло служить орудием убийства и была ли рана смертельной [Watson 2010, p. 26–37]. Кроме того, отличался и сам механизм осмотра тел: французские медики, например, вскрывали тела на месте преступления[29], тогда как в Российской империи сама процедура и составление заключения, от чего наступила смерть, проходили либо в госпитале, либо в физикате, либо со второй половины XVIII в. на медицинском факультете Московского университета.

В ходе сравнения судебно-медицинской экспертизы России и европейских стран удалось выявить факторы, сдерживающие применение медицинских знаний и практик в уголовном процессе в Российской империи вплоть до конца XVIII в. Во-первых, законодательное требование, чтобы судья консультировался с врачом появилось лишь при Петре I несмотря на то, что практика использования доказательств из медицинских обследований

[27] РГАДА. Ф. 373. Оп. 1. Д. 2253. Л. 20.
[28] РГАДА. Ф. 373. Оп. 1. Д. 2253. Л. 32.
[29] Devaux J. L'art de faire les raports en chirurgie. Paris, 1703. P. 518–520.

сложилась веком ранее[30]. В городах средневековой Италии медицинские работники были обязаны сообщать о преступлениях полиции, значительную часть карьеры отдельные врачи проводили на службе у суда [Turner 2014, p. 138–139]. Можно говорить о начале складывания института публичной судебно-медицинской экспертизы в Европе раннего Нового времени. В Российской империи закон об определении лекарей при Московской Полиции с назначением им жалованья появился только в 1776 г.[31] Во-вторых, в России до середины XVIII в. отсутствовало медицинское университетское образование: обучение проходило по системе ученичества при госпиталях и аптеках, что ограничивало как количество кадров, так и их доступ к актуальным научным знаниям. В-третьих, развитие судебно-медицинской практики могла сдерживать нехватка кадров в бюрократическом аппарате и низкая квалификация сотрудников, предназначенных для делегирования врачам задач в делах, связанных с насильственной или несчастной смертью, травмой. Стоит отметить, что в конце XVIII в. в России появляются труды врачей по судебной медицине. Судебный медик из Австрии Иоганн-Якоб Пленк выпустил в 1781 г. труд под названием «Избранные предметы относительно судебной медико-хирургической науки» [Пленк 2004, с. 7–109], который был переведен на русский язык в 1799 г. Это означает, что в России к этому времени был спрос на такие пособия.

Таким образом, несмотря на законодательное требование анатомировать трупы для изыскания причин смерти, правоприменительная практика показывает, что вскрывали далеко не многих, при этом осмотры мертвых тел не были социально обусловлены. Неоднократное повторение указов свидетельствует об их неисполнении в ходе судебных процессов. Наличие формуляра у освидетельствования говорит о его регламентации как элемента судопроизводства. Отправка тел на анатомирование из судебных учреждений способствовала в том числе и развитию судебно-медицинской науки в Российской империи. Можно

[30] Требования Земского приказа от Аптекарского приказа докторов или лекарей для осмотра мертвого тела. Подробнее см. Новомбергский Н.Я. Врачебное строение допетровской Руси. Томск, 1907. С. 256.
[31] ПСЗРИ Т. 20. № 14421.

сделать вывод, что медицинские отчеты, хотя и демонстрировали растущие возможности следствия, к началу 1780-х гг. не были полноценным образом интегрированы в процедуру судебного разбирательства.

БЛАГОДАРНОСТИ

Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ (HSE-BR-2025-030).

ACKNOWLEDGMENTS

This article is an output of a research project (HSE-BR-2025-030) implemented as part of the Basic Research Program at HSE University.

ЛИТЕРАТУРА

Павленко 2008 – *Павленко Н.И.* Царевич Алексей. М.: Молодая гвардия, 2008. 297 с.

Пленк 2004 – *Пленк И.Я.* Наставление по судебной медицине. СПб.: Издательство юридического факультета СПбГУ, 2004. 432 с.

Худин 2021 – *Худин К.С.* Документы Аптекарского приказа (1629–1672 гг.) как исторический источник: дис. … канд. ист. наук. М., 2021. 280 с.

Turner 2014 – *Turner W.J.* Medicine and the Law in the Middle Ages. Leiden: Brill Academic Publishers, 2014. 292 p.

Watson 2010 – *Watson K.D.* Forensic Medicine in Western Society: A history. L.: Routledge, 2010. 224 p.

REFERENCES

Khudin, K.S. (2021), *Dokumenty Aptekarskogo prikaza (1629–1672 gg.) kak istoricheskii istochnik* [Documents of the Apothecary's Order (1629–1672) as a historical source], Ph.D. Thesis (History), Moscow, Russia.

Pavlenko, N.I. (2008), *Tsarevich Alexei* [The prince Alex], Molodaya Gvardiya, Moscow, Russia.
Plenk, I.Y. (2004), *Nastavleniye po sudebnoy meditcine* [Manual on forensic medicine], Isdatelstvo yuridicheskogo faculteta SPBGU, St. Petersburg, Russia.
Turner, W.J. (2014), *Medicine and the Law in the Middle Ages*, Brill Academic Publishers, Leiden, NL.
Watson, K.D. (2010), *Forensic Medicine in Western Society: A history*, Routledge, London, UK.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Алина Р. Гарифуллина, студентка бакалавриата, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»; стажер-исследователь Института региональных исторических исследований, Москва, Россия; 105066, Россия, Москва, ул. Старая Басманная 21/4, стр. 1; argarifullina@hse.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Alina R. Garifuulina, bachelor student, National Research University "Higher school of economics"; research assistant of the Research Institute of Regional History, Moscow, Russia; 21/4, bld. 1, Staraya Basmannaya, Moscow, Russia, 105066; argarifullina@hse.ru

Поступила в редакцию: 14.07.2026
Поступила рецензия: 12.08.2026
Принята к публикации: 17.08.2026

УДК 94(47).082/083

Межведомственное взаимодействие в этноконфессиональной политике Российской империи в эпоху К.П. Победоносцева (1880–1905 гг.)

Антон Е. Фатеев
Роосийский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия, fant2507@gmail.com

Аннотация. В статье проводится анализ взаимоотношений представителей разных государственных ведомств (Святейшего Синода, Министерства внутренних дел, Министерства народного просвещения, губернаторской власти) в сфере управления имперским многообразием России рубежа XIX–XX столетий. С одной стороны, глава духовного ведомства К.П. Победоносцев и его соратники (востоковед и миссионер Н.И. Ильминский, архиепископ Вениамин (Благонравов)) имели собственную концепцию вероисповедной политики. С другой стороны, министры и губернаторы не всегда принимали их аргументы и их видение ситуации, руководствуясь собственными соображениями. Проблема состоит в специфике осуществления этноконфессиональной политики в условиях конфликтного межведомственного поля. Этот аспект может быть детально раскрыт на материалах источников личного происхождения (частной переписки, в т.ч. неопубликованной), ведомственной документации и публицистики. Выясняется, что столкновения по национально-религиозным вопросам представители на местах пытались решить через вышестоящие инстанции, надеясь на авторитет и влияние К.П. Победоносцева, которые они переоценивали. Кроме того, отмечается высокая роль человеческой субъективности и неформальных связей. В целом, управление имперским многообразием России в указанный период представляется столкновением нескольких экспертных групп.

© Фатеев А.Е., 2026

Ключевые слова: Российская империя, этноконфессиональная политика, К.П. Победоносцев, Святейший Синод, Министерство внутренних дел, Министерство народного просвещения, губернаторская власть

Для цитирования: *Фатеев А.Е.* Межведомственное взаимодействие в этноконфессиональной политике Российской империи в эпоху К.П. Победоносцева (1880–1905 гг.) // Молодой историк. 2026. № 3(7). С. 55–72.

Interdepartmental interaction in the ethno-confessional policy of the Russian Empire in the era of K.P. Pobedonostsev (1880–1905)

Anton E. Fateev
Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, fant2507@gmail.com

Abstract. This article analyzes the relationships between the representatives of various government agencies (the Holy Synod, the Ministry of Internal Affairs, the Ministry of Public Education, and the gubernatorial authorities) in managing Russia's imperial diversity at the turn of the 19th and 20th century. On the one hand, the head of the religious department, K.P. Pobedonostsev, and his associates (the orientalist and missionary N.I. Ilminsky and Archbishop Veniamin (Blagonravov)) had their own concept of religious policy. On the other hand, ministers and governors did not always accept their arguments and their vision of the situation, guided by their own considerations. The problem lies in the specifics of implementing ethno-confessional policy in a conflict-ridden interdepartmental environment. This aspect can be explored in detail using personal sources (private correspondence, including unpublished), departmental documentation, and journalistic writings. It turns out that local representatives attempted to resolve clashes over national and religious issues through higher authorities, relying on the authority and influence of K.P. Pobedonostsev, which they overestimated. The significant role of human subjectivity and informal connections is also noted. Overall, the management of Russia's

imperial diversity during this period appears to be a clash between several expert groups.

Keywords: Russian Empire, ethnic and religious policy, K.P. Pobedonostsev, Holy Synod, Ministry of Internal Affairs, Ministry of Public Education, gubernatorial authority

For citation: Fateev, A.E. (2026), "Interdepartmental interaction in the ethno-confessional policy of the Russian Empire in the era of K.P. Pobedonostsev (1880–1905)", *Young Historian,* no. 3(7), pp. 55–72.

Империя – это управление многообразием [Иллерицкая 2023, с. 163–164]. Россия рубежа XIX–XX вв. обладала удивительной национально-религиозной пестротой. В то же время запустился процесс «национализации» империи и конструирования русской имперской нации [Миллер 2021, с. 252–254]. Самодержавие декларировало привилегии «русскости» во взаимосвязи с «господствующим» православным вероисповеданием, при этом сталкиваясь с необходимостью управления огромными массами инославного и иноверного населения. Поэтому П. Верт предлагает поместить проблему религиозного разнообразия в центр изучения имперского строя [Верт 2012, с. 6].

Чтобы поддерживать эту «цветущую сложность» в стабильности и дисциплине, власть прибегала к привычному modus operandi – этноконфессиональной политике [Круз 2020, с. 8–9, 14–15, 27; Коллманн 2023, с. 409, 660–661, 676–679]. В указанную эпоху эта сфера носила на себе отпечаток воззрений и характера обер-прокурора Святейшего Синода К.П. Победоносцева, который, по словам одного проницательного современника, исповедовал «идеалы нетерпимости»[1]. Зачастую все меры, предпринятые в эти годы, списывают на якобы безграничное влияние старого консерватора. Такое мнение сложилось еще у дореволюционных историков[2], его подхватили и историки

[1] Половцов А.А. Дневник. 1893–1909 / сост., коммент., вступ ст. О.Ю. Голечковой. СПб., 2022. С. 147.

[2] Корнилов А.А. Курс истории России XIX века. М., 1993. С. 409–410.

советские [Зайончковский 1970, с. 117–118; Литвак 1989, с. 357] [3], повторяют его и некоторые современные специалисты [Сафонов 2017, с. 54–55, 109]. Это не вполне верно. Специфика этноконфессиональной политики Российской империи состояла в том, что она лежала на перекрестке ведомств: Святейшего Синода, Министерства внутренних дел и Министерства народного просвещения, а также губернаторской власти. В исследовании имперской проблематики необходимо учитывать связь между сферой дискурса с одной стороны и областью административных институтов и их механик с другой. Как отмечал крупнейший знаток темы М.Д. Долбилов, «даже самые безумные русификаторские фантазии… должны были вводиться чиновниками в элементарные процедурные рамки» [Долбилов 2010, с. 15].

Наиболее сложные, а подчас даже напряженные взаимоотношения складывались у духовного ведомства и представителей духовенства с МВД и губернаторами. К.П. Победоносцев беспрестанно сетовал, что гражданская власть не понимает «одинаково существенные интересы церкви и государства»[4]. На сообщения об иноверческой пропаганде, беспокоившие обер-прокурора, не следовало должной реакции. «Верите ли, что теперь не с кем и говорить об этом, – жаловался он востоковеду и миссионеру Н.И. Ильминскому, – <…> В М[инистерст]ве Вн[утренних] Дел никто этого дела не разумеет. Все равнодушны»[5]. Представители низовой администрации, наиболее близкие к народным массам (участковые начальники, приставы и сельские старшины), также были, по оценке консервативного сановника, «слишком мало проникнуты сознанием необходимости помогать духовенству в его религиозно-просветительной

[3] Драбкина Е.Я. Национальный и колониальный вопрос в царской России. М., 1930. С. 37–38, 64.

[4] Письма К.П. Победоносцева к Николаю II. 1890–1902 гг. (Приложение) // Письма Победоносцева к Александру III. В 2 т. Т. 2. М., 1926. С. 298.

[5] Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1574. Оп. 1. Д. 146. Л. 14.

деятельности»[6]. О непонимании светской властью значения миссионерского дела говорил и иркутский архиепископ Вениамин (Благонравов)[7].

Различия во взглядах на политику в отношении иноверцев между представителями духовной и светской власти приводили к конфликтам, иногда весьма крупным и затяжным – например, между владыкой Вениамином, которого поддерживал Победоносцев, и двумя генерал-губернаторами – Восточно-Сибирским Д.Г. Анучиным и Приамурским А.Н. Корфом.

Владыка рисовал личность и деятельность Анучина в самых мрачных красках, обвинял его в покровительстве иноверцам в ущерб православному населению и в предательстве христианской веры. Вениамина возмущало, что генерал-губернатор при этом ссылался на «высшие государственные интересы», которых преосвященный «понимать не может»[8]. Анучин представлялся архиепископу как человек со «смутной» и «легкой» мыслью[9], либерал и нигилист, «неблагоприятно относящийся к распространению христианства» и желающий «привилегированного положения не христианам, а язычникам»[10]. По мнению владыки, он слишком часто и демонстративно выказывал свое расположение к ламам и ламаитам, что недопустимо для представителя власти православного государя[11]. «К несчастью,

---

6 Всеподданнейший отчет обер-прокурора Святейшего Синода К. Победоносцева по ведомству православного исповедания за 1885 г. СПб., 1887. С. 57.

7 Письма Вениамина, архиепископа иркутского, к казанскому архиепископу Владимиру. М., 1913. С. 142.

8 Частная переписка Высокопреосвященного Вениамина, архиепископа Иркутского, с обер-прокурором Св. Синода К.П. Победоносцевым // Иркутские епархиальные ведомости (прибавления). 1913. № 1. С. 7; Письма Вениамина, архиепископа иркутского, к казанскому архиепископу Владимиру… С. 162.

9 Частная переписка… // Иркутские епархиальные ведомости (прибавления). 1914. № 5. С. 171.

10 Письма Вениамина, архиепископа иркутского, к казанскому архиепископу Владимиру… С. 160, 169.

11 Там же. С. 142; Частная переписка… // Иркутские епархиальные ведомости (прибавления). 1915. № 17. С. 613.

– писал архиепископ, – угодливость… администрации по отношению к бурятам и, в частности, к ламам так хорошо известна вожакам их, что они давно перестали думать о существующих для них ограничительных законах». Такое положение, по убеждению Вениамина, могло вызвать в среде иноверцев «презрение к русскому имени», бунт или и вовсе опасные сепаратистские мечты о восстановлении «Чингисханова царства»[12].

Сам Д.Г. Анучин, хоть и любезничал с преосвященным при встрече, также не жалел нелестных отзывов. Своему преемнику графу А.П. Игнатьеву он говорил, будто у Вениамина настолько бурный характер, что с ним не удастся прожить в мире и пары дней, а по отношению к бурятам он яростный фанатик, готовый «всех сжечь на костре»[13].

Ключевой вопрос, по которому владыка рассорился с губернатором, было соотношение христиан и язычников в инородческих органах самоуправления Сибири. Вениамин энергично занимался этой проблемой еще с 1860-х гг., а в 1880-х гг. вновь активизировал попытки повлиять на ситуацию. Он утверждал, что состав начальства инородческих ведомств непосредственно влияет на успех христианизации. Там, где большинство родовых начальников (тайшей) – язычники, крещение принимают в десятки раз меньше. Им, по мнению владыки, просто выгодно удерживать подчиненных в «темном царстве» суеверий, ограждая, таким образом, собственный произвол от каких-либо попыток протеста. В ведомствах же, где начальствуют христиане, подчиненные крестятся намного охотнее, даже массово, выходят из «темного царства», становятся общественно сознательными и могут отстаивать свои права[14].

Больше всего притеснений от тайшей-язычников, по мнению Вениамина, терпели крещеные инородцы. Так,

---

[12] Частная переписка… // Иркутские епархиальные ведомости (прибавления). 1914. № 1. С. 10.

[13] Письма Вениамина, архиепископа иркутского, к казанскому архиепископу Владимиру… С. 181.

[14] Вениамин, архиеп. Иркутский и Нерчинский. Положение христиан в бурятских обществах под начальством язычников // Жизненные вопросы православной миссии в Сибири. СПб., 1885. С. 22–24.

существенной проблемой было их безземелье. Они хотели приобщиться к «русскому образу жизни», им нужны были участки для «оседлого водворения», но языческое начальство либо вовсе не отводило им земли, либо отводило самые негодные для сельскохозяйственной деятельности территории[15]. В ведомствах, управляемых язычниками, инородцы-христиане практически не были представлены в сугланах (народных собраниях), степных думах и инородных управах, занимая мелкие писарские или караульные должности[16]. Принятие кем-то из подчиненных православия, по утверждению владыки, провоцировало жесткие карательные меры со стороны языческих начальников и лам – новокрещеного могли сделать изгоем в собственной деревне, отобрать у него ребенка и т.п.[17]

Поэтому Вениамин настаивал на том, чтобы «законом постановлено было избирать тайшей не иначе, как из христиан, и чтобы членов в степных думах, инородных управах и родовых управлениях из христиан было не менее, чем из язычников». «Если раскольники лишены права быть начальниками над православными, – заключал архиепископ, – то еще законнее ограничить власть язычников над православными инородцами». Кроме того, подчеркивал владыка, тайши должны в обязательном порядке знать русский язык, а при ротации должностных лиц христиане могут быть сменяемы только другими христианами. Результатом своего плана он видел распространение оседлого образа жизни, «гражданское преуспеяние» и «обрусение»[18].

Опасаясь обвинений во вмешательстве в чужую компетенцию, Вениамин решил действовать через центральную власть. Он попросил К.П. Победоносцева «обратить внимание кого следует… на этот предмет» и настоять на введении «христианского элемента в инородческое управление» перед руководителями

---

15 Вениамин, архиеп. Иркутский и Нерчинский. Указ. соч. С. 26–30.

16 Там же. С. 30–31.

17 Там же. С. 34–35.

18 Частная переписка… // Иркутские епархиальные ведомости (прибавления). 1913. № 1. С. 11–12; Вениамин, архиеп. Иркутский и Нерчинский. Указ. соч. С. 40, 42.

других ведомств[19]. Из Санкт-Петербурга пришло несколько запросов на имя Д.Г. Анучина с требованием предоставить сведения по данному вопросу – от министра государственных имуществ М.Н. Островского и министра внутренних дел графа Д.А. Толстого[20]. И губернатор повел дело в сторону, противоположную замыслу архиепископа.

Толстой, также скептически смотрящий на доводы преосвященного, планировал организовать специальную комиссию для обсуждения вопроса, включив в ее состав Островского, Анучина и Вениамина. Владыка убеждал Победоносцева подключить к делу двух известных миссионеров – Н.И. Ильминского и уфимского епископа Дионисия (Хитрова), чтобы противостоять возражениям губернатора. Анучин, в частности, отрицал притеснения крещеных бурят со стороны некрещеных и утверждал, что Вениамин не может привести ни одного убедительного примера подобных случаев. Кроме того, он опровергал жизненную необходимость земельных наделов для бурят, т.к. у них имеются обширные пастбищные пространства[21]. Губернатор долго затягивал дело, не давая ответов на министерские запросы и задерживая у себя бумаги со сведениями о положении крещеных инородцев, составленные Вениамином. В конечном итоге промедление Анучина сыграло на руку владыке: генерал-губернатор вышел в отставку, не успев убедить петербургские власти в собственной правоте, и сдал дела графу А.П. Игнатьеву, настроенному к проекту архиепископа и вообще к миссионерскому делу гораздо благожелательнее[22].

---

19 Частная переписка… // Иркутские епархиальные ведомости (прибавления). 1913. № 1. С. 11, 16.

20 Письма Вениамина, архиепископа иркутского… С. 167; Частная переписка… // Иркутские епархиальные ведомости (прибавления). 1913. № 2. С. 44; Частная переписка… // Там же. 1913. № 3. С. 71.

21 Частная переписка… // Иркутские епархиальные ведомости (прибавления). 1913. № 3. С. 71–76.

22 Частная переписка… // Иркутские епархиальные ведомости (прибавления). 1913. № 2. С. 43–44, 47; Об А.П. Игнатьеве см.: Частная переписка… // Там же. 1913. № 9. С. 263; Частная переписка… // Там

С А.Н. Корфом владыка Вениамин столкнулся по вопросам православного миссионерства. Как и в случае с Анучиным, архиепископ обвинял губернатора в пренебрежении интересами православия и покровительстве иноверию, а именно ламаизму[23]. «Барон Корф, – жаловался владыка Победоносцеву, – с… упорством идет в разрез всему, что может служить на пользу православию…», на что консервативный сановник отвечал следующее: «Барон Корф, к сожалению, многого не понимает в делах церкви и церковных отношений»[24].

При этом сам Корф, если судить по его письму К.П. Победоносцеву и телеграмме генералу Я.Ф. Барабашу, вполне разделял необходимость обращения сибирских инородцев-язычников в православие. С преосвященным и поддерживающим его обер-прокурором губернатор разошелся во взгляде на методы миссионерства, а также в том, каким образом представитель власти должен контактировать с иноверческим духовенством (Хамболамой и ламами).

Вступив в должность и прибыв во вверенный ему край, А.Н. Корф с удивлением восклицал в письме Победоносцеву: «…как это православная вера, в силу и могущество которой не могу же я не верить, живет не только бок о бок с идолопоклонством, но и среди него, и не только не может его побороть, но даже не имеет ни малейшего на него влияния?». Барон ссылался на «несомненные» ошибки администрации, духовенства и миссионеров и предлагал (правда, без какой-либо конкретики) обновленную «сознательную программу действий»[25]. В телеграмме генералу Я.Ф. Барабашу, который был отправлен как представитель губернатора на архиерейский съезд в Иркутске, Корф конкретизировал свои планы. Он призывал прекратить «разбрасываться средствами» и сосредоточить деятельность православной миссии в нескольких крупных пунктах, расположив их вдали от государственной границы, «где фанатизм слабее». Оттуда, сообразно его плану,

же. 1914. № 3. С. 87; Частная переписка… // Там же. 1914. № 5. С. 171; Частная переписка… // Там же. 1914. № 12. С. 404.

[23] Частная переписка… // Там же. 1914. № 23. С. 780.

[24] Частная переписка… // Там же. 1915. № 17. С. 610, 615.

[25] Частная переписка… // Там же. 1913. № 14/15. С. 433.

православие должно было в дальнейшем планомерно и «без промежутков» распространятся по всему краю. Также барон предостерегал против «раздражающих мер», из-за которых буряты могли бы откочевать за границу[26]. Для объединения усилий Корф хотел организовать совещание по инородческому делу, пригласив Вениамина и генерал-губернатора соседнего края А.П. Игнатьева[27].

Вениамин встретил предложения Корфа в штыки, восприняв их как нападки на православную миссию и найдя в них массу, по его мнению, вредного, абсурдного и невыполнимого. «Вместо ожидаемой помощи, – гневался владыка, – я встретил… только совет сократить почти до нуля уже существующую миссию…». «Сокращать миссию…, – полагал он, – значило бы показать бурятам, что само правительство против ее существования». По его мысли, большое число миссионерских станов повышало эффективность работы миссионеров (на этой же точке зрения стоял Н.И. Ильминский). Своих миссионеров Вениамин защищал со словами, что только неблагонамеренные люди могут опасаться за нарушение политического спокойствия края или бегство бурят за границу от их действий. По поводу избегания «раздражающих мер» против язычников архиепископ саркастически писал, что уже само существование православной миссии и христианской проповеди – «предмет фанатического раздражения» для нехристианского населения края. Христианизация края «без промежутков» представлялась Вениамину беспочвенным теоретизированием, ведь «и апостолы… не могли обращать всех сряду»[28].

Взаимоотношения разных «агентов» этноконфессиональной политики по проблемам народного просвещения складывались гораздо более мирно и удачно. Министр народного просвещения И.Д. Делянов, судя по всему,

---

[26] Частная переписка… // Там же. 1913. № 21. С. 675–676.

[27] РГИА. Ф. 1574. Оп. 1. Д. 146. Л. 28; Письма Вениамина, архиепископа иркутского… С. 177.

[28] Частная переписка… // Иркутские епархиальные ведомости (прибавления). 1914. № 1. С. 7–10; Частная переписка… // Там же. 1914. № 12. С. 411; Письма Н.И. Ильминского к обер-прокурору Святейшего Синода К.П. Победоносцеву. Казань, 1895. С. 189–191.

разделял многие воззрения К.П. Победоносцева по вопросу политики в отношении нехристианского населения России. Однако он был человеком мягким, пассивным и нерешительным [Михеева 2022, с. 149–152], и поэтому провести инициативы через его ведомство иногда было затруднительно. Так, нерасторопностью Делянова были заторможены планы обер-прокурора по закрытию татарских мусульманских школ и устранению иноверцев из систем управления образовательными учреждениями[29]. Победоносцев сетовал, что «Иван Давыдович все обещает, но все делает или не делает его канцелярия»[30].

В других вопросах он мог быть инициативным – в частности, Делянов охотно содействовал распространению т.н. «системы Ильминского», направленной на распространения христианства и грамотности через инородческое образование на национальных языках. В 1884 г. обер-прокурор сообщал Ильминскому, что «о деле инородческих школ поднимается забота в Мин[инстерстве] Нар[одного] Просвещения»[31]. «Надо отдать справедливость Ивану Давыдовичу, – писал Ильминский Победоносцеву, – он значительно поднял в народных школах церковность… Вот и наши соображения относительно инородческого образования Иван Давыдович принял с сочувствием»[32]. Делянов помогал с изданием и распространением трудов Ильминского по применению русской азбуки к инородческим языкам[33]. Министр нередко обращался к консультациям казанского миссионера по своему ведомству – так, в 1884–1885 гг. он через Победоносцева настоятельно просил его приехать в столицу для совещания об учительских семинариях[34]. В 1890 г., когда Делянову предложили издать перевод русской истории на татарский язык для использования в татарских мусульманских школах, он счел возможным дать ответ только после получения рекомендаций Ильминского [Джераси 2013, с. 191–192].

---

29 РГИА. Ф. 1574. Оп. 1. Д. 146. Л. 49, 51.
30 Там же. Л. 62.
31 Там же. Л. 20.
32 Письма Н.И. Ильминского к обер-прокурору… С. 262.
33 Там же. С. 42–43.
34 РГИА. Ф. 1574. Оп. 1. Д. 146. Л. 25, 36.

Однако абсолютно бесконфликтным взаимодействие Синода, духовенства и миссионеров с ведомством народного просвещения назвать нельзя. Об этом говорит, например, случай Н.П. Остроумова и разгоревшиеся вокруг его фигуры споры. Этнограф и востоковед Николай Петрович Остроумов (1846–1930) был одной из знаковых фигур как для православного миссионерства, так и для русской ориенталистики и исламоведения конца XIX – начала XX вв. Выпускник противомусульманского отделения Казанской духовной академии, он получил ученую степень за «курсовое сочинение» о мусульманских пророках и сам несколько лет занимался миссионерством и подготовкой миссионерских кадров[35]. Затем в 1877 г. он уехал в Туркестан, где служил инспектором народных училищ, возглавлял местную учительскую семинарию и мужскую гимназию, а также редактировал газету «Туркестанские ведомости» и руководил любительским кружком археологов [Джераси 2013, с. 119, 126].

В связи с политикой «игнорирования ислама» («ни гонений, ни покровительства»), которой придерживался Туркестанский генерал-губернатор К.П. фон Кауфман [Котюкова 2016, с. 112–113], Остроумов был вынужден отойти от практического миссионерства и заняться организацией системы «туземного» образования, однако продолжал антиисламскую полемику на теоретическом «фронте». В 1883 г. он напечатал пространную статью «Что такое Коран?»[36], направленную против трех татарских мусульманских публицистов, которые предприняли попытку увязать ислам с идеями рационализма и прогресса.

Мало изменившееся при преемниках Кауфмана (Н.И. Гродекове, М.Г. Черняеве и Н.О. фон Розенбахе) индифферентное отношение туркестанской администрации к мусульманскому вопросу воспринималось Остроумовым негативно. Проводимая политика, с его точки зрения, не способствовала ассимиляции инородцев [Котюкова 2016, с. 114–116]. К тому же распоряжением

[35] Письма Н.И. Ильминского к обер-прокурору… С. 47–48.; Остроумов Н. Критический разбор мухаммеданского учения о Пророках // Миссионерский противомусульманский сборник. Вып. IV. Казань, 1874.
[36] См.: Остроумов Н. Что такое Коран? По поводу статей гг. Гаспринского, Девлет-Кильдеева и Мурзы-Алима. Ташкент, 1883.

местного начальства он был переведен из учительской семинарии, где активно и воодушевленно работал в окружении «родных» казанских «академистов» – студентов и выпускников миссионерских отделений – в новоучрежденную гимназию, которая совершенно не соответствовала его стратегии инородческого просвещения.

Остроумов пожаловался на сложившуюся ситуацию своему бывшему наставнику – Н.И. Ильминскому. Тот, в свою очередь, решил ходатайствовать за старого знакомого перед К.П. Победоносцевым. Именно из переписки Ильминского с обер-прокурором становится ясно, что Остроумов как самостоятельный «агент» этноконфессиональной политики попал в конфликт с местными представителями гражданской администрации, системы просвещения и православной церкви.

Во-первых, Остроумов разошелся с местными властями во взгляде на организацию образования в инородческой среде. Он считал, что для ассимиляции «туземцев» достаточно будет начального, а не гимназического образования. Кроме того, он настаивал на раздельном обучении сартов и киргизов, т.к. «сарты имеют прочно сложившийся мусульманский характер, тогда как киргизы народ еще свежий, как дети любознательный, переимчивый и восприимчивый; к ним можно еще привить русские понятия и симпатии»[37]. Записку по данному вопросу Остроумов подал Ф.К. Гирсу, ревизовавшему Туркестан в 1882 г.; ее черновую версию Н.И. Ильминский послал Победоносцеву вместе с одним из писем в защиту Остроумова[38]. Споры о народном просвещении, видимо, были настолько напряженными, что главный инспектор народных училищ Туркестанского края А.И. Забелин охарактеризовал Остроумова так: «…человек вредный, самого мятежного нрава, поддерживающий власть лишь дотоле, пока она под его влиянием, а в противном случае интригующий против власти», он «решается на всякую клевету и на всякую агитацию, дабы повредить людям, в коих не находит себе одобрения или поддержки». Причем основана была такая оценка его

[37] Письма Н.И. Ильминского к обер-прокурору… С. 75.
[38] Там же. С. 89.

деятельности, по мнению К.П. Победоносцева, на весьма веских фактах[39].

Во-вторых, он рассорился с местным духовенством. Сначала один из рядовых священников, а потом и сам туркестанский епископ Александр (Кульчицкий) передавали Победоносцеву «возмутительные случаи явного неуважения Остроумова к архиерейскому сану, к церкви и церковности…». Например, по их сведениям, он ответил грубым отказом на просьбу дать двух мальчиков из семинарии для участия в архиерейском служении, т.к. посчитал, что «неприлично им надевать стихири». В другой раз Остроумов якобы публично радовался, что Закон Божий в семинарии преподавал человек светского звания и «ряса не мозолила нам глаза»[40].

Победоносцев, находившийся в столице, в данной ситуации оказался в роли третейского судьи, но совершенно запутался в предоставленных ему противоположных сведениях, характеристиках и отзывах. С одной стороны, он полагал возможным списать конфликтность Остроумова на то, что «идеалисты известного типа, склонны погрешать неосмотрительностью или резкостью в речах при столкновении с людьми, коих они считают неспособными понять себя». С другой стороны, обер-прокурор считал, что, зная о его демаршах против представителей власти, «трудно отстаивать Остроумова»[41].

Таким образом, случаи архиепископа Вениамина (Благонравова) и Н.П. Остроумова, с одной стороны, показывают высокую роль человеческой субъективности и неформальных связей в межведомственном взаимодействии и практическом осуществлении этноконфессиональной политики. С другой (что более важно) – иллюстрируют принципиальное столкновение в этом вопросе нескольких экспертных групп: профессиональных миссионеров и педагогов с профессиональными управленцами. Попытки разрешения конфликтов через обращение к вышестоящим властям не давали особых результатов, поскольку и в петербургских кабинетах никогда не было единой «программы»

[39] РГИА. Ф. 1574. Оп. 1. Д. 146. Л. 16–17.
[40] Там же. Л. 11–12.
[41] Там же. Л. 17.

управления имперским многообразием, а Победоносцев с его «идеалами нетерпимости» не обладал приписываемым ему безграничным влиянием.

ЛИТЕРАТУРА

Верт 2012 – *Верт П.* Православие, инославие, иноверие: очерки по истории религиозного разнообразия Российской Империи. М.: Новое литературное обозрение, 2012. 280 с.

Джераси 2013 – *Джераси Р.* Окно на восток: Империя, ориентализм, нация и религия в России. М.: Новое литературное обозрение, 2013. 548 с.

Долбилов 2010 – *Долбилов М.Д.* Русский край, чужая вера. Этноконфессиональная политика империи в Литве и Белоруссии при Александре II. М.: Новое литературное обозрение, 2010. 1000 с.

Драбкина 1930 – *Драбкина Е.Я.* Национальный и колониальный вопрос в царской России. М.: Коммунистическая академия, 1930. 189 с.

Зайончковский 1970 – *Зайончковский П.А.* Российское самодержавие в конце XIX столетия (политическая реакция 80-х – начала 90-х годов). М.: Мысль, 1970. 444 с.

Иллерицкая 2023 – *Иллерицкая Н.В.* «Имперский поворот» в изучении российской истории: современные интерпретации // Вестник РГГУ. Серия «История. Политология. Международные отношения». 2023. № 4. Ч. 2. С. 158–169.

Коллманн 2023 – *Коллманн Н.Ш.* Россия и ее империя. 1450–1801. СПб.: «Библиороссика» / Academic studies press, 2023. 783 с.

Корнилов 1993 – *Корнилов А.А.* Курс истории России XIX века. М.: Высшая школа, 1993. 446 с.

Котюкова 2016 – *Котюкова Т.В.* Окраина на особом положении… Туркестан в преддверии драмы. М.: Научно-политическая книга, 2016. 391 с.

Круз 2020 – *Круз Р.* За пророка и царя: ислам и империя в России и Центральной Азии. М.: Новое литературное обозрение, 2020. 408 с.

Литвак 1989 – *Литвак Б.Г.* Русское православие в XIX веке // Русское православие: вехи истории / Науч. ред. А.И. Клибанов. М.: Политиздат, 1989. С. 309–380.

Миллер 2021 – *Миллер А.И.* Национальный вопрос в империи Романовых после 1905 г. // Российская империя между реформами и революциями, 1906–1916. Коллективная монография / под ред. А.И. Миллера и К.А. Соловьева. М.: Квадрига, 2021. С. 249–271.

Михеева 2022 – *Михеева Г.В.* Иван Давыдович Делянов. СПб.: Российская национальная библиотека, 2022. 206 с.

Сафонов 2017 – *Сафонов А.А.* Государство и конфессии в позднеимперской России: правовые аспекты взаимоотношений. М.: Проспект, 2017. 352 с.

REFERENCES

Geraci, R. (2013), *Okno na vostok: Imperiya, orientalizm, natsiya i religiya v Rossii* [Window on the East: Empire, Orientalism, Nation, and Religion in Russia], Novoe literaturnoe obozrenie, Moscow, Russia.

Dolbilov, M.D. (2010), *Russkii krai, chuzhaya vera. Ehtnokonfessional'naya politika imperii v Litve i Belorussii pri Aleksandre II* [Russian land, foreign faith. The empire's ethnoconfessional policy in Lithuania and Belarus under Alexander II], Novoe literaturnoe obozrenie, Moscow, Russia.

Illeritskaya, N.V. (2023), " 'Imperial turn' " in the study of Russian history. Modern interpretations, *RSUH/RGGU Bulletin. "Political Science. History. International Relations" Series*, no. 4, p. 2, pp. 158–169.

Kollmann, N.Sh. (2023), *Rossiya i ee imperiya. 1450–1801* [Russia and its empire. 1450–1801], "Bibliorossika" / Academic studies press, Saint Petersburg, Russia.

Kotyukova, T.V. (2016) *Okraina na osobom polozhenii… Turkestan v preddverii dramy* [The outskirts in a special position… Turkestan on the eve of drama], Nauchno-politicheskaya kniga, Moscow, Russia.

Kruz, R. (2020), *Za proroka i tsarya: islam i imperiya v Rossii i Tsentral'noi Azii* [For Prophet and Tsar: Islam and Empire in Russia and Central Asia], Novoe literaturnoe obozrenie, Moscow, Russia.

Litvak, B.G. (1989), *Russkoe pravoslavie v XIX veke* [Russian Orthodoxy in the 19th century], in Klibanov, A.I. (ed.), *Russkoe pravoslavie: vekhi istorii* [Russian Orthodoxy: Milestones in History], Politizdat, Moscow, Russia, pp. 309–380.

Mikheeva, G.V. (2022), *Ivan Davydovich Delyanov* [Ivan Davydovich Delyanov], Rossiiskaya natsional'naya biblioteka, Saint Petersburg, Russia.

Miller, A.I. (2021), *Natsional'nyi vopros v imperii Romanovykh posle 1905 g.* [The National Question in the Romanov Empire after 1905], in Miller, A.I. and Solov'ev, K.A. (eds.), *Rossiiskaya imperiya mezhdu reformami i revolyutsiyami, 1906–1916. Kollektivnaya monografiya* [The Russian Empire between Reforms and Revolutions, 1906–1916. Collective monograph], Kvadriga, Moscow, Russia, pp. 249–271.

Safonov, A.A. (2017), *Gosudarstvo i konfessii v pozdneimperskoi Rossii: pravovye aspekty vzaimootnoshenii* [State and confessions in late imperial Russia: legal aspects of relationships], Prospect, Moscow, Russia.

Werth, P. (2012), *Pravoslavie, inoslavie, inoverie: ocherki po istorii religioznogo raznoobraziya Rossiiskoi Imperii* [Orthodoxy, heterodoxy, infidelity: essays on the history of religious diversity in the Russian Empire], Novoe literaturnoe obozrenie, Moscow, Russia.

Zaionchkovskii, P.A. (1970), *Rossiiskoe samoderzhavie v kontse XIX stoletiya (politicheskaya reaktsiya 80-kh – nachala 90-kh godov)*[Russian autocracy at the end of the 19th century (political reaction of the 80s – early 90s)], Mysl, Moscow, Russia.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Антон Е. Фатеев, студент магистратуры, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; fant2507@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Anton E. Fateev, master's student, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia,125047*;* *fant2507@gmail.com*

Поступила в редакцию: 06.05.2026
Поступила рецензия: 17.05.2026
Принята к публикации: 15.06.2026

УДК 94(47).083

Интерпретация понятия «крамола» в дискурсе идеологов «Монархической партии» и «Русского собрания» в 1900–1907 гг.

Владимир И. Мухин
Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия, VIgMukhin@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматривается понятие «крамола» как один из ключевых элементов политического языка черносотенных организаций и других представителей правомонархического лагеря начала XX в. Автор показывает, что данный термин функционировал не только как обозначение мятежа, смуты или антимонархической деятельности, но и как инструмент конструирования образа враждебного «другого» в идеологическом дискурсе русских монархистов. Особое внимание уделяется публицистике В.А. Грингмута, К.Н. Пасхалова, Б.В. Никольского, П.Ф. Булацеля, в текстах которых «крамола» изображалась как самостоятельная разрушительная сила, угрожающая самодержавию, православию, русскому народу и традиционному государственному порядку. В работе анализируются смысловые оттенки понятия, его связь с представлениями о внешнем и внутреннем враге, а также с оценками революции, либерализма, бюрократии, Государственной думы и политической агитации. Автор приходит к выводу, что «крамола» занимала устойчивое место в идеологическом каркасе черносотенства, а ее употребление отражало специфику монархического восприятия политического кризиса Российской империи в эпоху Первой русской революции и последующих общественных трансформаций. Работа демонстрирует возможности применения методов истории понятий к исследованию политического языка русского монархизма начала XX в.

© Мухин В.И., 2026

Ключевые слова: крамола, черносотенное движение, русский консерватизм, политический язык, история понятий, Первая русская революция, образ врага

Для цитирования: Мухин В.И. Интерпретация понятия «крамола» в дискурсе идеологов «Монархической партии» и «Русского собрания» в 1900–1907 гг. // Молодой историк. 2026. № 3(7). С. 73–87.

The concept of "sedition" interpreted by the ideologues of the Monarchist Party and the Russian Assembly in 1900–1907

Vladimir I. Mukhin
Kazan (Volga Region) Federal University,
Kazan, Russia, VIgMukhin@yandex.ru

Abstract. The article examines the concept of "sedition" as one of the key elements of the political language employed by Black Hundred organizations and other representatives of the right-wing monarchist camp in the early 20th century. The author argues that the term functioned not so much as a designation for rebellion, unrest, or anti-monarchist activity, but rather as an instrument for constructing the image of a hostile "other" in the ideological discourse of Russian monarchists. Particular attention is paid to the writings of V.A. Gringmut, K.N. Paskhalov, B.V. Nikolsky, and P.F. Bulatsel, in whose texts "sedition" was portrayed as an autonomous destructive force threatening the autocracy, Orthodoxy, the Russian people, and the traditional state order. The article analyzes the semantic nuance of the concept, its association with the notions of the external and internal enemy, and its relationship to assessments of revolution, liberalism, the bureaucracy, the State Duma, and political agitation. The author concludes that "sedition" occupied a stable position within the ideological framework of the Black Hundred movement and that its use reflected the distinctive monarchist perception of the political crisis in the Russian Empire during the First Russian Revolution and the subsequent social transformations. The study demonstrates the potential

of applying the methods of conceptual history to the analysis of the political language of Russian monarchism in the early 20th century.

Keywords: sedition, Black Hundred movement, Russian conservatism, political language, conceptual history, First Russian Revolution, image of the enemy

For citation: Mukhin V.I. (2026), "The concept of "sedition" interpreted by the ideologues of the Monarchist Party and the Russian Assembly in 1900–1907", *Young Historian*, no. 3(7), pp. 73–87.

Изучение монархических и, в частности, черносотенных организаций начала XX в. оформилось в самостоятельное исследовательское направление лишь в 1990-х гг. Каноны марксистско-ленинской методологии не предполагали изучения истории черносотенного движения. В советской историографии оно преимущественно характеризовалось как реакционное общественно-политическое течение и редко становилось предметом специального исследования. Такая позиция во многом восходила к сформулированному В.И. Лениным в ноябре 1905 г. тезису: «Кто не за революцию – тот черносотенец»[1]. В постсоветской историографии исследователи стали уделять значительно больше внимания эпистолярному, публицистическому и литературному наследию лидеров правомонархического движения. Так, на протяжении долгого времени Институт русской цивилизации ведет работу по изданию трудов консервативных философов XIX – XX вв.; значительное место среди этих изданий занимают произведения идеологов черносотенства. Стоит отметить, что анализ публицистической терминологии рубежа XIX–XX вв. представляет интерес в контексте активно развивающегося направления истории понятий[2].

[1] Ленин В.И. Между двух битв // Полн. собр. соч.: в 55 т. Т. 12. Октябрь 1905 – апрель 1906 гг. М., 1968. С. 56.

[2] Важным проводником этого течения для отечественной историографии остается Европейский университет в Санкт-Петербурге, издательство которого периодически выпускает работы в серии «Азбука понятий».

В 1890–1900-е гг. формировались различные представления о будущем России: в различных теоретических построениях предлагались как монархические, так и республиканские проекты будущего политического устройства России. В настоящей работе рассматривается политический язык консервативного проекта ряда идеологов правомонархического движения (в основном «Монархической партии» и московского крыла «Русского собрания» – двух старейших черносотенных организаций), включавший оценки современных авторам политических событий и представления о будущем России. В последнее время в отечественной историографии появляется все больше работ, раскрывающих характер функционирования столичных правых кружков и салонов [Стогов 2025]. Несмотря на появление обобщающего исследования правых партий Российской империи [Иванов 2024], деятельность губернских отделов остается недостаточно изученной. Недостаточно изученной остается и деятельность московских монархических организаций, чья публицистическая активность, однако, была довольно высокой. История организованного черносотенного движения во многом началась с объединения московских монархистов.

Утверждение устава «Русского собрания» один из ведущих исследователей черносотенства А.Д. Степанов окрестил «формальной датой появления на свет Божий черносотенного движения» [Степанов 2000, с. 10]. Это вполне закономерно, поскольку идеологи «Русского собрания», в частности В.А. Грингмут, именовали себя и своих сторонников (равно как и «весь Православный Русский Народ») черносотенцами[3], что позволяет нам, опираясь на рекомендации современного исследователя правого движения А.А. Иванова, относить организацию к черносотенным [Иванов 2022, с. 891].

Несмотря на то что эволюция, кризис и уход с политической арены черносотенных партий и организаций достаточно хорошо изучены в современной историографии, отдельные сквозные сюжеты, семиотические и социокультурные аспекты черносотенства редко становятся предметом специальных

[3] Грингмут В.А. Объединяйтесь, люди русские! М., 2008. С. 344.

исследований. Историю возникновения и бытования (причем вплоть до современности) ключевого для правой мысли начала XX в. лозунга «Россия для русских» рассмотрел А.А. Иванов [Иванов 2016], однако анализ девизов и базовых для черносотенцев понятий исследован в значительно меньшей степени.

Методологическую основу исследования составляют подходы истории понятий Р. Козеллека и интеллектуальной истории К. Скиннера. Подход, предложенный Р. Козеллеком, позволяет рассматривать «крамолу» не только как отражение восприятия политического кризиса, но и как средство его формирования, задававшее границы между сторонниками существующего порядка и его противниками. В соответствии с подходом К. Скиннера употребление политического понятия рассматривается как речевое действие [Скиннер 2018, с. 99], совершаемое конкретным автором в определенном общественно-политическом и интеллектуальном контексте. Поэтому анализ охватывает не только значения слова «крамола», но и обстоятельства его употребления, обозначаемые им лица, группы и учреждения, а также политический эффект, которого стремились добиться публицисты, обращаясь к данному понятию.

Понятие «крамола» занимало заметное место в политическом языке черносотенных организаций, фигурируя как в программных уставных документах[4], так и в публицистических работах, деловой переписке и даже произведениях художественной литературы[5]. Как правило, употребление понятия «крамола» преследовало цель конкретизации представлений о враждебном «другом», борьба с которым рассматривалась как одна из причин создания черносотенных союзов. При этом понятие употреблялось

[4] Особый интерес в этой связи представляет документ, отложившийся в Государственном архиве Астраханской области и озаглавленный «Проект нового устава Союза русского народа» от 1907 г. (ГА АО. Ф. 745. Оп. 1. Д. 1. Лл. 10–19 об.), где в § 92 закрепляется выдача пособий «семьям членов Союза, убитых крамольниками» (ГА АО. Ф. 745. Оп. 1. Д. 1. Л. 18 об.).

[5] Показательный пример употребления производного прилагательного содержится в стихотворении «Черная сотня» видной монархистки и поэтессы Лидии Александровны Кологривовой [Иванов 2022, с. 890].

как в девизах и лозунгах, рассчитанных на массовую политическую мобилизацию, так и в развернутых публицистических произведениях теоретиков монархизма.

Лексическое значение слова «крамола» было весьма устойчивым. Одно из наиболее развёрнутых определений содержится в словаре Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона: «Крамола (стар.) – смута, волнение, мятеж, вообще преступление политическое; как законодательный термин, ныне не употребляется»[6]. Вместе с тем политическое содержание понятия и сфера его применения оставались подвижными. Его включению в черносотенный дискурс способствовало характерное для монархистов обращение к старине – как к историческим сюжетам[7], так и к библейской лексике[8]. Определить, какие значения и политические функции приобретало понятие «крамола» в черносотенном дискурсе, позволяет обращение к конкретным случаям его употребления в публицистических текстах.

Многие правые публицисты и политики прошли своеобразную школу политической деятельности в «Монархической партии» и «Русском собрании», ставших одними из первых форм организационного объединения монархистов в условиях формировавшейся партийной системы. Одним из крупнейших идеологов черносотенства, сформулировавшим «главные задачи, стоящие перед русским народом в борьбе за

[6] Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. СПб., 1895. Т. 32. Коялович – Кулон. С. 497.

[7] Даже при наименовании движения прослеживается отсылка к известному с начала XVII в. словосочетанию «черная сотня», которое в идеологическом каркасе черносотенцев выражает идею преемственности по отношению к простому народу – участникам ополчения под руководством К. Минина и князя Д. Пожарского.

[8] К характерным примерам относится выражение «тайна беззакония», использовавшееся Н.Е. Марковым и восходившее к давней традиции русской политической теологии, в первую очередь, к словам апостола Павла из Второго послания Фессалоникийцам. Другой пример – сам термин «правые», используемый многими монархистами, в том числе и черносотенцами, как вариант самоназвания, имеющий прямую отсылку к евангельской притче об овцах и козлах и новозаветном противопоставлении находящихся по правую и левую сторону от Судии.

Великую Россию и против ее внутренних и внешних врагов» [Стогов 2012, с. 134], был В.А. Грингмут.

Характер употребления В.А. Грингмутом понятий «крамола» и «крамольники» позволяет выявить некоторые их сущностные черты. Так, высказываясь относительно принципа «свободы слова», провозглашенного либеральной печатью, автор замечает, что нередко он предоставляет крамольникам «полный простор развращать душу Русского народа кощунственной проповедью против Бога, анархической пропагандой против Царя, возмутительным издевательством над всем, что дорого и свято Русскому народу!»[9]. Представляя деятельность «крамольников» как посягательство на разделяемые черносотенцами составляющие уваровской триады, автор очерчивает политически разнородный круг крамольников, поскольку в него включаются не только левые радикалы, но и конституционалисты, и некоторые умеренные политические деятели. Однако, поскольку В.А. Грингмут отождествлял черносотенное движение с «православным русским народом» в целом, «крамола» изображалась им как явление, чуждое всему русскому[10]. Вместе с тем публицист признавал наличие «крамольников» даже среди православного духовенства: «…если, наконец, среди московского духовенства объявляются крамольники, идущие против своего митрополита, то можно ли назвать Москву русским городом?»[11]. При этом «крамола» у В.А. Грингмута обозначала не только вызванное революцией состояние мятежа, беспорядка и анархии, но и персонифицированную разрушительную силу («цепкие руки крамолы»[12]), а иногда изображалась как стихийная, вышедшая из-под контроля сила («…верные слуги Царя и Родины будут по-прежнему падать жертвами спущенной с цепи крамолы…»[13]).

---

[9] Грингмут В.А. Указ. соч. С. 174.

[10] Несколько раз он упоминает, что и среди русских есть крамольники, но руководствуются они не внутренне агрессивными, разрушительными помыслами, но идеальными, бессмысленно мечтательными и совершенно неосуществимыми проектами.

[11] Грингмут В.А. Указ. соч. С. 224–225.

[12] Там же. С. 247.

[13] Там же.

По В.А. Грингмуту понятие «крамола» соединяло представления о внешнем, «нерусском» источнике угрозы и внутреннем враге, проникшем практически во все сферы общественной жизни – печать, школу, общественные учреждения и рабочую среду[14]. При этом угроза персонифицировалась в образах конкретных социальных и политических групп: в печати – либеральная пресса, в школе – часть профессорского состава и студенчества, в общественных учреждениях и рабочей среде – крикуны, ораторы и агитаторы «вроде Гапона»[15]. Наконец, важным элементом восприятия «крамолы» у В.А. Грингмута было представление о необходимости противодействия ей со стороны правительства, которое должно было «соединиться в дружном содействии ему (Государю) словом и делом для искоренения крамолы» с «благомыслящими людьми всех сословий и состояний»[16]. Позднее, с изменением политической обстановки, автор обличал «петербургских бюрократов», отделивших царя от непосредственного общения с народом[17], и «крамольные Думы»[18].

Оставаясь в рамках заданной В.А. Грингмутом парадигмы, ряд лидеров и идеологов черносотенства иначе развивал его построения. Например, соглашаясь с необходимостью истребления крамолы «мощною военною властью»[19], то есть с введением царской военной диктатуры, Б.В. Никольский полагал, что «крамола» существовала и в ближайшем окружении царя, причем не только последнего русского самодержца, но и его отца, взошедшего на престол «посреди ужаса народного, посреди шипящей злобы и крамолы»[20]. О необходимости сокрушения

[14] Грингмут В.А. Указ. соч. С. 255.
[15] Там же. С. 258.
[16] Там же. С. 354.
[17] Ненависть к бюрократии и чиновничеству является не собственно черносотенной идеей, а продолжением идеологических построений ряда более ранних течений русской мысли, воспринимавших бюрократию как преграду между царем и народом [Соловьев 2018, с. 33].
[18] Грингмут В.А. Указ. соч. С. 483.
[19] Никольский Б.В. Сокрушить крамолу. М., 2009. С. 185.
[20] Там же. С. 228.

«крамолы» верховной властью писали К.Н. Пасхалов[21] и П.Ф. Булацель[22]. К.Н. Пасхалов, отмечая результативность «энергичной работы подпольной крамолы», указывал, что агитация охватила «новые общественные слои – дворянские, торговые, учебные, и, наконец, рабочие, как в столицах, так и в провинции»[23].

Взгляды В.А. Грингмута и К.Н. Пасхалова совпадали также в оценке целей «крамольников», дурно влиявших на юношество и стремившихся добиться «окончательного разложения России»[24]. Однако если В.А. Грингмут не считал Манифест 17 октября ограничением самодержавной власти (поскольку даже после его выхода император «сохранил всю Свою неограниченную Самодержавную Власть во всей ее неприкосновенности»[25]) и снимал ответственность за его издание с главы государства, ссылаясь на «государственный переворот, который затеял было произвести граф Витте»[26], то К.Н. Пасхалов, напротив, был убежден, что «Манифест 17 октября окончательно похоронил историческую Россию, совлек с нее – в угоду смуте, крамоле и тупоумному общественному стаду дипломированных невежд, – последние остатки самобытного её обличия…»[27].

В диссертации С.С. Новосельского представлен более широкий спектр оценок революционных событий и Манифеста 17 октября [Новосельский 2019, с. 39–56]. Представление о «крамольном» характере Государственной думы получило развитие в оценке П.Ф. Булацелем Выборгского воззвания[28], а призыв некоторых министров освободить подписантов Выборгского воззвания от судебного преследования он расценивает практически в качестве измены.

Употребление понятия «крамола» в различных программных текстах идеологов черносотенства поддается

---

21 Пасхалов К.Н. Русский вопрос. М., 2008. С. 28.
22 Булацель П.Ф. Борьба за правду. М., 2010. С. 126.
23 Пасхалов К.Н. Указ. соч. С. 36.
24 Там же. С. 48.
25 Грингмут В.А. Указ. соч. С. 332.
26 Там же. С. 328.
27 Пасхалов К.Н. Указ. соч. С. 88.
28 Булацель П.Ф. Указ. соч. С. 115, 282.

определенной логике. Так, революционерам приписывалось подстрекательство к «крамоле» (иногда встречается словосочетание «либерально-революционная крамола»). В текстах монархистов «крамола» могла изображаться как стихийная сила, вызванная деятельностью врагов самодержавия, но затем развивавшаяся самостоятельно и неконтролируемо. По мере изменения политической ситуации В.А. Грингмут выделял «нелегальную» и «легальную крамолу», тогда как К.Н. Пасхалов – «тайную» и «явную», где первая есть проявление скрытого революционного подполья, а вторая – открытая деятельность легальных партий, представительных учреждений и отдельных чиновников.

Изменение способов употребления понятия было непосредственно связано с трансформацией общественно-политической обстановки в 1905–1907 гг. В условиях революционного кризиса «крамола» преимущественно ассоциировалась с подпольной деятельностью, массовыми выступлениями, политической агитацией и непосредственным противодействием самодержавной власти. После издания Манифеста 17 октября, в условиях формирования легальных партий и представительных учреждений, сфера применения понятия расширилась. Оно стало обозначать не только революционное подполье, но и легальную оппозицию, либеральную печать, отдельных представителей бюрократии и Государственную думу.

Таким образом, институционализация публичной политики не привела к исчезновению понятия «крамола», а обусловила его приспособление к новым реалиям: черносотенные публицисты перенесли характеристики мятежа и политического преступления на формы деятельности, получившие легальный или ограниченно легальный статус после преобразований 1905–1906 гг. Подобная трансформация подтверждает положение Р. Козеллека о том, что политические понятия не только отражают отношения, но и участвуют в их формировании [Koselleck 2004, p. 86]. «Крамола» выступала одновременно индикатором монархического восприятия политического кризиса и фактором этого восприятия, задававшим границы допустимой политической деятельности и превращавшим оппонентов в непримиримых врагов.

Анализ характера употребления термина «крамола» позволяет отметить, что в относительно устойчивом, хотя и внутренне неоднородном идеологическом каркасе черносотенства это понятие занимало особое место. Его основные значения и политические функции разделялись большинством авторов. При этом далеко не все обозначали антимонархическую деятельность словом «крамола». Например, П.А. Крушеван предпочитал слово «смута», нередко встречавшееся в его текстах. В работах П.А. Крушевана «смута» выполняла функции, сходные с функциями понятия «крамола» у других авторов. Анализ этого словоупотребления позволяет сделать несколько обобщений и ответить не только на вопрос о том, кого называли «крамольниками», но и о том, какова иллокутивная функция такого именования.

Так, называя либеральную прессу, профессорскую интеллигенцию или депутатов «крамольниками», публицисты представляли их не как законных политических оппонентов, а как участников мятежа и объединяли в одну категорию с революционерами и чиновниками, стирая различия между профессиональными, политическими и социальными группами; игнорируя реальные цели и способы действий указанных групп, заметно отличавшихся друг от друга. В этом отношении «крамола» выступала как асимметричное контрпонятие в концепции Р. Козеллека [Koselleck 2004, p. 156], поскольку сами либералы, депутаты, профессора и чиновники не называли себя «крамольниками». Это имя навязывалось им оппонентами и лишало легитимности их притязания на политическое представительство, тогда как положительные самонаименования защитников законного порядка, «патриотов» и «русских людей» закреплялись за монархическим сообществом. В рассматриваемых примерах прослеживается соединение образа внешнего и внутреннего врага, а также распространение понятия на все новые социальные и институциональные группы.

Если обратиться к политическим мерам, к которым призывали черносотенные публицисты, конструируя категорию «крамолы», на первый план выходят требования репрессий, а также предоставления власти чрезвычайных полномочий и установления

военной диктатуры[29]. Кроме того, обвинение в «крамоле» бюрократов и депутатов Государственной думы позволяло сохранить неприкосновенным образ государя, перенеся ответственность за кризис на его окружение и возникшие в результате политических преобразований 1905–1906 гг. новые политические учреждения. Сложнее оценить мобилизационный эффект призывов к борьбе с «крамольниками», поскольку для этого требуется более тщательное исследование лексики, посредством которой конструировались образы «подлинного русского народа» и сообщества сторонников черносотенного движения.

Таким образом, проведенный анализ позволяет предположить, что интенсивность обращения к понятию «крамола» возрастала в периоды обострения политического кризиса. Однако различия в объеме и характере изученных публикаций не позволяют сделать статистически обоснованный вывод о динамике частотности; поэтому данное наблюдение носит качественный характер. В свою очередь, понятие «крамола» как способ конструирования образа значимого враждебного «другого» пережило и своих непосредственных создателей, и черносотенные организации. Отдельные случаи употребления понятия встречаются и в постсоветской монархической публицистике, однако история развития русского монархизма на современном этапе требует специального исследования. Предпринятый анализ представляет собой лишь первый шаг к изучению специфического политического языка российского монархического сообщества начала XX в.

ЛИТЕРАТУРА

Иванов 2016 – *Иванов А.А.* Вызов национализма. Лозунг «Россия для русских» в дореволюционной общественной мысли. СПб.: Владимир Даль, 2016. 511 с.

[29] Полноценное развитие данная идея получила в публицистике Первой мировой войны, особенно в 1915–1916 гг. Показательно, что сочетание слова «крамола» с такими глаголами, как «искоренить», «сокрушить», «истребить» служило не только описанием угрозы, но и призывом к конкретным действиям.

Иванов 2022 – *Иванов А.А.* Реакционеры, черносотенцы, белогвардейцы, фашисты: дефиниции русского правого лагеря начала XX века // Новейшая история России. 2022. Т. 12. № 4. С. 884–905.

Иванов 2024 – *Иванов А.А.* Правые партии Российской империи. СПб.: Владимир Даль, 2024. 735 с.

Новосельский 2019 – *Новосельский С.С.* Правительственные проекты преодоления революционного кризиса 1905 г. в России: дис. … канд. ист. наук. М., 2020. 376 с.

Скиннер 2018 – *Скиннер К.* Значение и понимание в истории идей // Кембриджская школа: теория и практика интеллектуальной истории / Сост. Т. Атнашев, М. Велижев. М.: Новое литературное обозрение, 2018. С. 53–122.

Соловьев 2018 – *Соловьев К.А.* Политическая система Российской империи в 1881–1905 гг.: проблема законотворчества. М.: Политическая энциклопедия, 2018. 351 с.

Степанов 2000 – *Степанов А.Д.* Черная сотня: взгляд через столетие. СПб.: Изд-во «Царское Дело», 2000. 136 с.

Стогов 2012 – *Стогов Д.П.* Черносотенцы: жизнь и смерть за великую Россию. М.: Институт русской цивилизации, Алгоритм, 2012. 672 с.

Стогов 2025 – *Стогов Д.П.* Правые салоны и кружки и проблема их влияния на властные структуры Российской империи (1914 – февраль 1917 г.): автореф. дис. … д-ра. ист. наук. СПб., 2025. 35 с.

Koselleck 2004 – *Koselleck R.* Futures Past: On the Semantics of Historical Time. New York: Columbia University Press, 2004. 317 p.

REFERENCES

Ivanov, A.A. (2016), *Vyzov natsionalizma. Lozung "Rossiya dlya russkikh" v dorevolyutsionnoy obshchestvennoy mysli* [The Challenge of Nationalism. The slogan "Russia for Russians" in pre-revolutionary social thought], Vladimir Dal', Saint Petersburg, Russia.

Ivanov, A.A. (2022), "Reactionaries, Black Hundreds, White Guards, Fascists: Definitions of Russian Right-Wingers in the Early 20th Century", *Modern History of Russia*, vol. 12, no. 4, pp. 884–905.

Ivanov, A.A. (2024), *Pravyye partii Rossiyskoy imperii* [Right-Wing Parties of the Russian Empire], Vladimir Dal', Saint Petersburg, Russia.

Novosel'skiy, S.S. (2019), *Pravitel'stvennye proekty preodoleniya revolyutsionnogo krizisa 1905 g. v Rossii* [Government projects to overcome the revolutionary crisis of 1905 in Russia], Abstract of Ph.D. Thesis (History), Moscow, Russia.

Skinner, Q. (2018), *Znachenie i ponimanie v istorii idei* [Meaning and Understanding in the History of Ideas], in Atnashev, T. and Velizhev, M. (eds.), *Kembridzhskaya shkola: teoriya i praktika intellektual'noi istorii* [Cambridge School: Theory and Practice of Intellectual History], *Novoe literaturnoe obozrenie*, Moscow, Russia, pp. 53–122.

Solov'yev, K.A. (2018), *Politicheskaya sistema Rossiyskoy imperii v 1881–1905 gg.: problema zakonotvorchestva* [The Political System of the Russian Empire in 1881–1905: the problem of lawmaking], Politicheskaya entsiklopediya, Moscow, Russia.

Stepanov, A.D. (2000), *Chernaya sotnya: vzglyad cherez stoletiye* [The Black Hundred: A Century Later], Izdatel'stvo "Tsarskoye Delo", Saint Petersburg, Russia.

Stogov, D.I. (2012), *Chernosotentsy: zhizn' i smert' za velikuyu Rossiyu* [Black Hundreds: Life and Death for Great Russia], Institut russkoy tsivilizatsii, Algoritm, Moscow, Russia.

Stogov, D.I. (2025), *Pravye salony i kruzhki i problema ikh vliyaniya na vlastnye struktury Rossiiskoi imperii (1914 – fevral' 1917 g.)* [Right-wing salons and clubs and the problem of their influence on the power structures of the Russian Empire (1914 – February 1917)], Abstract of D. Sc. dissertation (History), Herzen State Pedagogical University, Saint Petersburg, Russia.

Koselleck, R. (2004), *Futures Past: On the Semantics of Historical Time*, Columbia University Press, New York, USA.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Владимир И. Мухин, студент магистратуры, Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия; 420008, Россия, Республика Татарстан, Казань, ул. Кремлевская, 18, корп. 1; VIgMukhin@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Vladimir I. Mukhin, master's student, Kazan (Volga region) Federal University, Kazan, Russia; 18 Kremlevskaya St., bld. 1, Kazan, Republic of Tatarstan, Russia, 420008; VIgMukhin@yandex.ru

Поступила в редакцию: 29.04.2026
Поступила рецензия: 25.05.2026
Принята к публикации: 10.07.2026

УДК 94(47).085:791.43

Проблемы семейных отношений периода застоя СССР через призму советского кинематографа

Софья А. Дрогайцева
Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, sonyadrog@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматривается положение института семьи и брака в СССР в период застоя на основе анализа сюжетов советского художественного кинематографа. Исследователь отмечает, что в конце 1960-х гг. политика государства в отношении семейной жизни начинает менять свое направление. Это нашло свое отражение в создании нового Кодекса о браке и семье РСФСР 1969 г., в котором семья понималась не просто как место для укоренения социалистического быта (согласно Кодексу законов о Браке семье и опеке от 1926 г.), а как пространство для удовлетворения всех личных потребностей человека. Одновременно с этим происходило создание кабинетов психологической помощи семьям и детям. Указанные факторы обусловили изменение репрезентации бытовых проблем семьи в публичном дискурсе. На основе анализа фильмов 1960–1980-х гг. исследователь выделяет основные проблемные зоны института брака и семьи: разводы, измены, неполные семьи, конфликт «отцов и детей». Автор приходит к выводу, что в кинолентах того времени на первый план все чаще стали выходить образы более глубоких чувств и переживаний людей, формируя представление о «неидеальных» семьях и отражая реальность советского быта периода застоя.

© Дрогайцева С.А., 2026

Ключевые слова: советская семья, застой, советский кинематограф, советская повседневность

Для цитирования: Дрогайцева С.А. Проблемы семейных отношений периода застоя СССР через призму советского кинематографа // Молодой историк. 2026. № 3(7). С. 88–98.

The problems of family relations during the stagnation of the USSR through the prism of Soviet cinema

Sofia A. Drogaytseva
Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, sonyadrog@yandex.ru

Abstract. The article investigates the family and marriage institution in the USSR in the period of stagnation by analyzing the plots of Soviet art films. The researcher argues that in the late 1960s state family policy began to change its direction. The latter was reflected in the new Code on Marriage and Family RSFSR in 1969, where the family was proclaimed a setting within which one can satisfy all his / her personal needs, rather than the way how to embed socialist everyday life (according to the The Code of Laws on Marriage, Family and Guardianship 1926). At the same time, the number of psychological support rooms for families and children was increasing. These factors have led to a change in the representation of everyday family problems in public discourse. While analyzing films from the 1960s and 1980s, the researcher identifies the main problems of the marriage and family institution: divorce, infidelity, single-parent families, gap generation. The author concludes that in the films of that time, the depiction of deep feelings and experiences of people prevail putting forward the idea of "imperfect" families and reflecting the reality of Soviet life during the period of stagnation.

Keywords: Soviet family, stagnation of the USSR, Soviet cinema, Soviet everyday life

For citation: Drogaytseva, S.A. (2026), "Problems of family relations during the stagnation period in the USSR through the prism of Soviet cinema", *Young Historian*, no. 3(7). pp. 88–98.

На современном этапе развития культуры в Российской Федерации огромное значение уделяется аспекту патриотического и духовного воспитания подрастающего поколения. В качестве одной из ключевых форм транслирования нравственных образов выступает кинематограф. В Указе Президента Российской Федерации от 24 декабря 2014 г. № 808 «Об утверждении Основ государственной и культурной политики» было отмечено следующее: «Государственная поддержка отечественной кинематографии <…> направлена на нравственное, гражданско-патриотическое и общекультурное развитие детей и взрослых, развитие знаний и компетенций, зрительской культуры, сохранение и популяризация отечественного кинематографического наследия»[1]. Исходя из этого, основная цель современного кинематографа – это формирование положительного и привлекательного образа российской системы традиционных ценностей [Никитина 2024, с. 109]. Можно предположить, что в данном контексте основу устоев и традиций современной России представляют семья, воспитание детей, молодежи, формирование патриотизма, развитие доброты, доблести и честности. Как указано в документе, ожидаемым результатом реализации обновленной государственной культурной политики является «…повышение статуса семьи, утверждение традиционных семейных ценностей как основы личного и общественного благополучия»[2].

В условиях развития цифровых технологий в формировании жизненных приоритетов молодого поколения одну из ключевых ролей играет кинематограф и индустрия интернет-ресурсов. Именно они являются основными площадками для

[1] Указ Президента РФ от 24 декабря 2014 г. № 808 «Об утверждении Основ государственной и культурной политики» (с изм. от 25.01.2023 г., 17.07.2025 г.). URL: https://base.garant.ru/70828330/ (дата обращения: 12.07.2026)

[2] Там же.

получения информации, необходимой для конструирования образов поведения в современном социуме [Михалева 2024, с. 202]. Как было обозначено ранее, создание благополучных семейных отношений – одна из задач культурной политики нашей страны. Именно поэтому данная тема стала актуальна в массовой культуре России, что, в свою очередь, может подтвердить проведенное в 2025 г. исследование Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ). В аналитической статье его специалистов был проанализирован образ семьи в современном российском кинематографе за последние 20 лет посредством опроса граждан страны[3].

Транслирование темы семьи и семейных отношений ярко представлена не только в современном российском кино, но и в фильмотеке советского периода нашей страны. Именно поэтому вопрос анализа формирования видения семьи через призму культуры, в частности посредством художественных кинокартин, сохраняет актуальность среди исследователей. Историография данного вопроса представлена междисциплинарными исследованиями И.П. Никитиной [Никитина, 2024, с. 108–112] и Г.В. Михалевой [Михалева, 2024, с. 201–211], в которых проводится анализ семейных отношений сквозь призму эволюции института семьи в культуре XX–XXI вв. В статье Г.В. Михалевой проводится разделение образов, проблем института семьи через весь советский и российский кинематограф. Изучая молодые семьи и их основные конфликты, автор подразделяет эти конфликты на проблемы «отцов и детей», разводов, супружеской неверности и т.д. Стоит отметить, что работа строилась на методике медиаобразования и его популяризации. Отдельно следует выделить проект Российского научного фонда «Образ семьи и семейного воспитания в произведениях отечественного художественного кинематографа и перспективы медиаобразования (1920–2020)», в рамках которого руководитель проекта И.В. Челышева ставит перед собой цель провести комплексный анализ образа семьи и

[3] Результаты исследований ВЦИОМ, посвященных анализу образа семьи в российском кинематографе. URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/obraz-semi-v-sovremennom-rossiiskom-kinematografe (дата обращения: 13.07.2026).

семейного воспитания в произведениях отечественного игрового кинематографа[4].

В рамках настоящей статьи предпринимается попытка дополнить имеющуюся базу анализа семейного художественного и игрового кинематографа посредством изучения проблем семейных отношений периода застоя (вторая половина 1960-х гг. – начало политики перестройки). Исследование строится на анализе изменений государственной политики советского руководства в вопросах семьи и брака, которая повлияла на трансформацию восприятия и трансляции конфликтов внутри семейных отношений того периода.

Активное реформирование в системе семейной политики СССР начались 30 июля 1969 г. Именно в это время Верховный совет РСФСР принял новый Кодекс о браке и семье РСФСР[5], пришедший на замену Кодексу законов о браке, семье и опеке 1926 г.[6] В отличие от предыдущего законодательного акта, семья стала позиционироваться не как место для устройства нового советского быта и образа жизни, а как пространство для удовлетворения наиболее глубоких личных чувств людей. Это, в частности, выражалось в появлении различных институтов, занимающихся вопросами психологической помощи семьи и брака [Обозова, 1984, с. 108].

Следует подчеркнуть, что, начиная с 1963 г., кинопроизводство было выведено из подчинения Министерству культуры СССР: для руководства отраслью был создан

---

[4] Карточка проекта фундаментальных и поисковых научных исследований, поддержанного РНФ «Образ семьи и семейного воспитания в произведениях отечественного художественного кинематографа и перспективы медиаобразования (1920–2020)». URL: https://rscf.ru/project/24-28-00032/ (дата обращения: 12.07.2026).

[5] Текс Кодекса о браке и семье РСФСР от 30.07.1969 г. // Электронный портал «Президент России». URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/6 (дата обращения: 12.07.2026).

[6] Текст Кодекса законов о браке, семье и опеке от 1926 г. // Сайт НИУ ВШЭ Нижнего Новгорода. URL: https://nnov.hse.ru/ba/law/igpr/sov_gos/kodeksy_26 (дата обращения: 12.07.2026).

специальный орган – Государственный комитет СССР по кинематографии. Именно в эту эпоху киносюжеты начинают превращаться в средство широкого социального исследования, в инструмент анализа общественных процессов, отходя от канонов социалистического реализма, сформировавшихся главным образом в сталинский период[7].

По мысли исследователя кинематографа М.И. Косиновой, период застоя характеризуется обращением к сложному, внутренне противоречивому духовному миру человека, в котором совмещаются неблагополучие и душевная чистота [Косинова, 2016, с. 256]. Именно поэтому данная эпоха представляет наибольший интерес в контексте исследования отражения семейных отношений через призму художественного кино. Переходя к анализу кинопроизведений периода застоя, следует отметить, что кинообразы семьи и семейных отношений затрагивают широкий спектр проблем. В данной статье будут рассмотрены именно конфликтные аспекты семейной жизни, в частности проблемы неполных семей, супружеской неверности, отношений между «отцами и детьми».

Одной из ключевых проблем советского кино периода застоя стало изображение неполных семей. В игровом кино все чаще встречались сюжеты, посвященные воспитанию детей одним из родителей или близкими родственниками. Зачастую одиноким родителем выступала женщина, ставшая заложником различных обстоятельств (развод, потеря или отсутствие супруга), из-за которых ребенок рос в неполной семье. Стоит отметить, что одинокие матери в советском кино зачастую представляли собой успешных женщин, которым удавалось достигать профессиональных высот и при этом поддерживать домашний уют. В качестве примеров можно привести фильмы «Мама вышла замуж» (1969 г.), «Здравствуй и прощай» (1972 г.), «Сладкая женщина» (1976 г.), «Приезжая» (1977 г.), «Москва слезам не верит» (1979 г.), «Будьте моим мужем» (1981 г.), «Карнавал» (1981 г.), «Вокзал для двоих» (1982 г.), «Зимняя вишня» (1985 г.) и др.

[7] История советского кино. 1917–1967. В 4-х т. Т. 4. 1952–1967. М., 1978. С. 14.

Примечательно, что и мужчины нередко оказывались в ситуации самостоятельного воспитания как своих, так и чужих детей: «Старший сын» (1975 г.), «Горожане» (1975 г.), «Служебный роман» (1977 г.), «Мужики» (1981 г.), «Не было печали» (1982 г.) и др. В данных кинокартинах находили свое отражение трудности быта, а также взаимопонимания одиноких отцов и матерей со своими детьми. Каждый из родителей, несмотря на успехи в карьере, сталкивается с проблемами в личной жизни, теряя возможность быть счастливым.

Следующий пласт включает в себя кинокартины, где основная сюжетная линия –проблема взаимопонимания поколений. В советском кино эпохи застоя данный аспект изображался сквозь призму противоречий внутри семьи в вопросах выбора жизненного пути детей, а также отсутствия солидарности родителей по житейским вопросам. В список таких фильмов можно включить «Дети Дон Кихота» (1965 г.), «Июльский дождь» (1966 г.), «По семейным обстоятельствам» (1978 г.), «Суета сует» (1979 г.), «Последний побег» (1980 г.), «Родня» (1981 г.), «Отцы и деды» (1982 г.) и др. В этой же связи необходимо обратить внимание на вопросы воспитания приемных детей, которые транслировались кинематографом через непринятие ребенком нового родителя или родителей. Картины показывали процесс выстраивания отношений, преодоления трудностей для обретения общего счастья как самих детей, так и новоиспеченных родителей. «Дети Дон Кихота» (1965 г.), «Мама вышла замуж» (1969 г.), «Мачеха» (1973 г.) – фильмы, отражающие данный проблемный аспект.

Крепкий брак – одно из необходимых составляющих благополучных семейных отношений. Фильмотека периода 1960–1980-х гг. была наполнена картинами, повествующими о проблемах взаимопонимания между супругами. Так, во многих фильмах раскрывались аспекты разводов, измен, «любовных треугольников» и недопонимания мужчин и женщин. В кинокартинах демонстрировались не только конфликты, но и способы их решения: то, как герои выходили из ситуаций, ведущих к разрыву отношений. Среди советских фильмов эпохи застоя можно выделить такие произведения, как «Повторная свадьба» (1975 г.), «Единственная» (1975 г.), «С любимыми не расставайтесь» (1979 г.),

«Осенний марафон» (1979 г.), «Утиная охота» (1979 г.), «Суета сует» (1979 г.), «Опасный возраст» (1981 г.), «Родня» (1981 г.), «Белые росы» (1983 г.), «Полеты во сне и наяву» (1983 г.), «Любовь и голуби» (1984 г.) и др. В дополнение следует подчеркнуть, что в указанный период данная тема была весьма актуальна и злободневна, что подтверждается в том числе статистическими данными. Так, если в 1965 г. число разводов по стране составляло 360,4 тыс., то к 1985 г. данный показатель вырос до 933,1 тыс. При этом количество заключаемых браков также увеличивалось, что свидетельствует о росте именно доли распадающихся семей[8]. В вопросе семейных отношений можно отметить и картины о проблемах молодых семей, члены которых сталкивались как с финансовыми, карьерными, так и с межличностными трудностями на ранних этапах совместной жизни: «Только вдвоем» (1976 г.), «Школьный вальс» (1977 г.), «Все наоборот» (1981 г.), «Одиноким предоставляется общежитие» (1983 г.) и др.

В этой связи особенно ценной представляется статья А.Н. Обозовой, опубликованная в период застоя: в ней автор рассматривает основные тенденции, приводившие к конфликтам внутри семьи. Так, в период 1960–1980-х гг. семьи во многом перестали справляться со своими социальными функциями, что породило падение педагогического потенциала семьи и престижа семейных ценностей. Исследователь выделяла причины этих проблем – урбанизация, карьерный рост женщин, социально-экономический разлад внутри государства и совместное нуклеарное проживание семей [Обозова 1984].

Таким образом, советский кинематограф вторил тенденциям и проблемам времени. Он показывал, что семейные отношений не бывают идеальны, зачастую происходят конфликты как между супругами, так и между родителями и детьми. Даже несмотря на попытки создания психологических институтов для поддержки семей, внутренние разногласия начинали происходить намного чаще. В большинстве своем советские фильмы открыто показывали вопросы и причины измен, ухода родителя из семьи.

[8] Электронный ресурс со статистикой браков и разводов в СССР. URL: https://su90.ru/marriage.html (дата обращения: 04.07.2026).

Можно предположить, что именно эта проблема была одной из ведущих причин растущего количества разводов и разрушения браков в обозначенный период.

Тем самым кинематограф эпохи застоя (вторая половина 1960-х — середина 1980-х гг.) позволяет глубже понять особенности семейной жизни того времени, а также то, с какими трудностями сталкивались семьи и как они их преодолевали. Посредством исследования художественного кинематографа периода застоя удалось выявить проблемы неполных семей, брака (измен, разводов), отношений между родителями и детьми, а также молодых пар. Можно сказать, что эти и другие аспекты данного исследования в дальнейшем помогут при изучении вопросов законодательного регулирования семейной жизни, быта и повседневности граждан СССР периода застоя.

ЛИТЕРАТУРА

Косинова 2016 – *Косинова М.П.* Кинорепертуар и зрительские предпочтения в эпоху «застоя» // Научный журнал «Вестник университета». 2016. № 6. С. 225–259.

Михалева 2024 – *Михалева В.Г.* Сюжетный анализ образа семьи и семейного воспитания в отечественном игровом кинематографе (1920–2020) в контексте медиаобразования // «Crede Experto: транспорт, общество, образование, язык». 2024. № 2. С. 201–211.

Никитина 2024 – *Никитина П.П.* Тема семьи в советском и современном отечественном кинематографе: сравнительный анализ // Экранные искусства в ракурсе современной культуры: Материалы V Всероссийской с международным участием научной конференции, Ростов-на-Дону, 04 апреля 2024 года. Ростов-на-Дону: Издательско-полиграфический центр ИП Беспамятнов С.В., 2024. С. 108–112.

Обозова 1984 – *Обозова А.Н.* Психологические проблемы службы семьи и брака // Вопросы психологии. 1984. № 3. URL: https://www.voppsy.ru/issues/1984/843/843104.htm (дата обращения: 12.07.2026).

REFERENCES

Kosinova, M. (2016), "Repertoire of cinemas and audience preferences in the era of 'stagnation' ", *Scientific journal "Vestnik Universiteta",* no. 6, pp. 225–229.

Mikhaleva, G. (2024), "Plot analysis of the family image and family education in russian feature films (1920–2020) in the context of media education"*, Crede Experto: transport, society, education, language,* no. 2, pp. 201–211.

Nikitina, I. (2024), *Tema sem'i v sovetskom i sovremennom otechestvennom kinematografe: sravnitel'nyi analiz* [The theme of family in Soviet and modern Russian cinema: a comparative analysis], In *Ekrannye iskusstva v rakurse sovremennoi kultury*: *materialy V Vserossijskoj s mezhdunarodnym uchastiem nauchnoi konferencii, Rostov-na-Dony, 4 Aprelya 2024 g.* [Screen arts from the perspective of modern culture: proceedings of the V All-Russian Scientific Conference with International Participation, Rostov-on-Don, April 4, 2024], Izdatel'sko-poligraficheskii tsentr IP Bespamyatnov S.V., Rostov-on-Don, Russia, pp. 108–112.

Obozova, A. (1984), "Psychological problems of family and marriage service", *Questions of Psychology,* available at: https://www.voppsy.ru/issues/1984/843/843104.htm (Accessed 12 July 2026).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Софья А. Дрогайцева, студентка бакалавриата, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125993, Россия, Москва, Миусская пл., 6; sonyadrog@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Sofia A. Drogaytceva, bachelor student, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125993, sonyadrog@yandex.ru

Поступила в редакцию: 20.04.2026
Поступила рецензия: 13.05.2026
Принята к публикации: 14.05.2026

УДК 94(47)+329.12

Оформление парламентской оппозиции курсу реформ М.С. Горбачева: Межрегиональная депутатская группа

Василий К. Поваляев
Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия, vkpovalyaev@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена истории становления и деятельности Межрегиональной депутатской группы (МДГ) в период весны – осени 1989 г. В исследовании поднимается вопрос возникновения первой легальной оппозиции в СССР, анализируется организационная структура, идеология и лидерский состав группы. На основе стенограмм Съезда народных депутатов СССР, мемуаров участников и архивных документов демонстрируется, что внутренние противоречия стали причиной снижения эффективности МДГ как одной из ключевых структур демократического движения конца 1980-х гг. Это проявлялось, в частности, в отсутствии консенсуса по ключевым политическим вопросам, невозможности выработки общей символической повестки, поскольку идеологическая основа группы была слабой, наконец, в отсутствии единого лидера, способного консолидировать группу. Тем не менее МДГ осуществила важную работу в легитимации идеи оппозиции курсу реформ М.С. Горбачева, что в результате привело к переосмыслению организационной формы движения (появление первых партийных структур демократов и движения «Демократическая Россия») и смене вектора борьбы за власть с союзного уровня на российский.

Ключевые слова: Межрегиональная депутатская группа, распад СССР, Перестройка, демократическая оппозиция в СССР, МДГ

© Поваляев В.К., 2026

Для цитирования: Поваляев В.К. Оформление парламентской оппозиции курсу реформ М.С. Горбачева: Межрегиональная депутатская группа // Молодой историк. 2026. № 3(7). С. 99–119.

Parliamentary opposition to the course of M. Gorbachev's reforms: Interregional Deputies' Group

Vasiliy K. Povalyaev
Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia, vkpovalyaev@gmail.com

Abstract. The article focuses on the history of the formation and activity of the Interregional Deputies' Group (MDG) in spring-autumn, 1989. It addresses the emergence of the first legal opposition in the USSR and analyzes the structure, ideology, and leadership of the group. Drawing on transcripts of the Congress of People's Deputies of the USSR, participants' memoirs, and archival documents, it is demonstrated that internal contradictions caused a decrease in the effectiveness of the MDG as one of the key structures of the democratic movement of the late 1980s. These contradictions manifested themselves, first of all, in the lack of consensus on key political issues, the inability to devise a common symbolic agenda (because of the loose ideological foundation of the group), and, in the absence of a single leader who would be able to consolidate the group. Nevertheless, the MDG succeeded in legitimizing the idea of opposition to Mikhail Gorbachev's reform course. This ultimately led to the new organizational form of the movement (giving rise to the first party structures of democrats and the "Democratic Russia" movement) and to the shift of the struggle for power from the all-Union level to the Russian one.

Keywords: Interregional Deputies' Group, the collapse of the USSR, perestroika, democratic opposition in the USSR, MDG

For citation: Povalyaev, V.K. (2026), "Parliamentary opposition to the course of M. Gorbachev's reforms: Interregional Deputies' Group", *Young Historian*, no. 3(7), pp. 99–119.

Введение

Перестройка открыла путь к появлению полноценной публичной политики в России и СССР. Во многом благодаря гласности и альтернативным выборам в Советы разных уровней начинает формироваться демократическая оппозиция курсу реформ М.С. Горбачева. Демократы на закате Советского Союза оказались силой, занимавшей крайне важное место в политической сфере общества. Их организации («Московская трибуна» (далее – МТ), Межрегиональная депутатская группа (далее – МДГ) и движение «Демократическая Россия») стали «политическим трамплином» для многих деятелей. Г.Х. Попов, А.А. Собчак, наконец, Б.Н. Ельцин – все они были депутатами-межрегионалами. После распада СССР они будут представлять новую элиту страны. Таким образом, МДГ стала политической «школой» будущего российского руководства. Тем самым для осмысления генезиса власти в постсоветской России необходимо изучить становление и деятельность МДГ.

Современная историография Перестройки в основном сконцентрирована на общеисторических сюжетах. Ученые изучают социальную, экономическую, политическую и культурную сферы советского общества этого периода в комплексе [Барсенков 2002; Безбородов, Елисеева 2021; Зубок 2024; Медведев 2010; Островский 2011]. Некоторые исследователи занимаются политической историей, уделяя основное внимание роли органов государственной власти [Пихоя 2005; Пученков 2021]. Стоит выделить исследования, посвященные неформальному движению и МТ, поскольку объединения «неформалов» и клуб «Московская трибуна» оказали значительное влияние на формирование МДГ [Шубин 2006; Sauve 2022]. Наконец, следует упомянуть ряд профильных исследований по теме. Это диссертации Д.М. Аблаева и А.В. Буянова, а также монография В.Л. Шейниса. В них поднимаются вопросы становления МДГ и организации работы Съезда народных депутатов СССР [Аблаев 2008; Буянов 2009; Шейнис 2005]. На сегодняшний день в историографии проделана большая работа в определении основных вех и обстоятельств генезиса демократической оппозиции, однако организационная структура и процесс изменения идеологических установок часто

выпадают из поля зрения ученых. В настоящей статье предпринимается попытка выявить причины и механизмы оформления МДГ в открытую оппозицию курсу реформ М.С. Горбачева.

Истоки формирования и организационная структура МДГ

Процессы гласности и демократизации, запущенные М.С. Горбачевым после неудачи политики «Ускорения», привели к необходимости реформы политической системы Советского Союза. XIX партийная конференция в 1988 г. стала отправной точкой в процессе генезиса демократической оппозиции. Накануне выборов в новый орган власти – Съезд народных депутатов СССР – МТ и другие организации «неформалов» стали своеобразными избирательными штабами для продвижения демократически настроенных кандидатов в депутатский корпус.

В формировании МДГ ключевую роль сыграли такие неформальные организации как Московский народный фронт, клуб «Перестройка» и др. Общественно-дискуссионный клуб «Московская трибуна» сформировал лидерский состав депутатской группы: А.Д. Сахаров, Ю.Н. Афанасьев, Г.Х. Попов и др. Будучи участниками МТ, они стали руководителями МДГ. Общественно-дискуссионные клубы оказались избирательны и эффективны для продвижения независимых от КПСС депутатов на выборах в Съезд народных депутатов СССР в 1989 г. [Барсенков 2002, с. 143].

Существует точка зрения, что МТ провалилась как интеллектуальный штаб демократической оппозиции [Шубин 2006, с. 278]. Представляется, что в известной мере в этом есть доля истины, поскольку МТ и другие организации, начиная с 1989 г., постепенно отходят от дел, и их заменяют другие типы объединений. Однако МТ оказалась важной в том отношении, что ее деятельность дала толчок для переосмысления политиками и гражданами прошлого СССР. Например, участники этой организации проводили систематическую критику сталинизма в рамках политики Гласности. Кроме этого, дискуссионные клубы стали своеобразной «школой» будущих публичных политиков. Наконец, сама «Московская трибуна» продолжала существовать и функционировать вплоть до начала 1990-х гг. Организация

принимала участие в демонстрациях, на ее площадке проводились дискуссии. Конечно, того уровня влияния, который был до выборов на Съезд народных депутатов СССР, у этого клуба уже не будет: пальма первенства перешла к парламентской фракции – Межрегиональной депутатской группе. Тем не менее говорить о провале МТ представляется не вполне верным.

Начало работы I Съезд народных депутатов (далее – СНД) СССР оказалось важным политическим событием 1989 г. [Пученков 2021, с. 284]. На Съезде решались ключевые вопросы организации власти в стране: М.С. Горбачев занял пост Председателя Верховного Совета СССР; были проведены выборы в Верховный Совет СССР; утверждены в должностях представители исполнительной власти и сформированы комиссии Съезда народных депутатов. Несмотря на важность формальных процедур, представляется, что не менее значительны были трансформации в сознании политических деятелей. В частности, это проявилось в попытке сделать выборы Председателя Верховного Совета СССР альтернативными. Так, А.М. Оболенский попытался выдвинуть свою кандидатуру, а Г.Э. Бурбулис предложил Б.Н. Ельцина на этот пост[1]. Эти предложения не встретили поддержки, но важен сам факт постановки вопроса о том, что альтернатива М.С. Горбачеву может существовать.

Итоги работы демократически настроенных депутатов на I СНД СССР подвел А.Н. Мурашев. Он отмечал, что определенными достижениями являются, во-первых, оформление депутатской группы (МДГ), во-вторых, создание комиссий по пакту Молотова-Риббентропа, по расследованию событий в Тбилиси и по делу Гдляна-Иванова, в-третьих, выдвижение требования отмены 6-й статьи Конституции СССР[2].

Тем не менее для межрегионалов итоги I СНД СССР оказались неудовлетворительными. Ю.Н. Афанасьев оценивал проделанную работу как неудачу и разрушение надежд советских

[1] Первый Съезд народных депутатов СССР. Стенографический отчёт: в 6 томах. М., 1989. Т. 1. С. 93, 98–99.

[2] Мурашев А.Н. Межрегиональная депутатская группа // Огонёк. 1990. № 32.

граждан[3]. Г.Х. Попов отмечал: «Я считаю, что вся беда нашего Съезда состояла в том, что мы не захотели обсуждать процедуры, и потом все время "тонули" при обсуждении каждого вопроса»[4]. Таким образом, ожидания от работы советского парламента не оправдывались, но в связи с тем, что все-таки это было только начало его деятельности, демократы по-прежнему связывали большие надежды со II Съездом.

Главной целью МДГ в промежуток между работой I и II СНД СССР становится подготовка предложений, проектов документов к следующему СНД. На тот момент МДГ отказывалась от статуса официальной оппозиции или фракции. На Съезде народных депутатов наметилась тенденция к формированию единой корпорации депутатов, из-за чего инициатива Г.Х. Попова по формированию Межрегиональной группы депутатов встретила сопротивление; в свою очередь, лидерам МДГ приходилось оправдываться и открещиваться от обвинений в создании фракции [Буянов 2009, с. 95].

Подчеркивая парадоксальность феномена МДГ, М.С. Горбачев заметил, что многие участники МДГ, включая лидеров группы состояли в КПСС, что затрудняло проведение четкого водораздела между официальной властью и оппозицией[5]. Заметим, что в рамках советской политической культуры после завершения внутрипартийной борьбы 1920-х гг. быть оппозиционером считалось чем-то немыслимым. Здесь прослеживается определенное сходство между периодом 1920-х и концом 1980-х гг., поскольку политические деятели крайне неохотно переходили в открытую оппозицию[6]. Это позволяет рассматривать конец 1980-х – начало 1990-х гг. как период зарождения советской оппозиции в принципе.

Сложившаяся советская политическая культура привела к попыткам изобрести более нейтральную форму обозначения несогласия. Например, само именование депутатской группой

[3] Афанасьев Ю.Н. Я должен это сказать. М., 1991. С. 210.
[4] ГАРФ. Ф. Р9654. Оп. 4. Д. 69. Л. 19.
[5] Горбачев М.С. Жизнь и реформы. М., 1995. Кн. 1. С. 437.
[6] Подробнее об оппозиции в 1920-е гг. см: Резник А.В. Троцкий и товарищи. СПб., 2017.

удобно обходило вопрос фракционности. Кроме этого, Г.Х. Попов пытался показать, что МДГ не является противником реформ, а лишь «конструктивной оппозицией». А.Д. Сахаров, другой лидер межрегионалов, говорил: «Я считаю, что это совершенно неправильно... Межрегиональная группа депутатов – это не оппозиция перестройке, это не фракция, хотя бояться этого слова не следует. Это группа активных сторонников перестройки…»[7]. Все вместе позволяет говорить, что изначально МДГ и не хотела становиться оппозицией курсу М.С. Горбачева.

Канадский исследователь Г. Совэ предложил термин «неохотная оппозиция» применительно к МДГ [Sauve 2022]. Представляется, что этот вариант наиболее точно характеризует состояние, в котором находились деятели МДГ до II СНД СССР. Они считали, что необходимые реформы можно будет провести при помощи диалога с властью, не прибегая к открытым оппозиционным действиям. Проблема заключалась лишь в позиции М.С. Горбачева, который побоялся следовать по пути углубления реформ и отказа от социалистического выбора. Но пока что, после I СНД СССР это было не столь очевидно.

Ядром МДГ являлись московские депутаты, они же выступили инициаторами ее создания. Как отмечает Г.Х. Попов, они тогда руководствовались тем, что имели влияние во многих регионах СССР, но ни в одной территориальной группе, кроме московской, не составляли большинства[8].

Итак, после объявления о создании Межрегиональной группы возникает первая проблема внутренней организации самой МДГ. Участник группы В.А. Тихонов сформулировал ее так: «… оформляем мы нашу группу организационно или нет? А если оформляем, избираем руководящий костяк или нет? И мы поручаем этому костяку вести вместе с нами работу по тем депутатам, которые достаточно прогрессивно настроены, но пока еще не вступают ни в какую группу, потому что видят, что от этой группы никакой защиты из них не получит? То есть мы задаемся целью сформировать единую группу, не боясь прослыть

[7] Сахаров А.Д. Тревога и надежда. М., 2006. Т. 2. С. 528.
[8] Попов Г.Х. Снова в оппозиции. М., 1994. С. 67.

оппозиционерами, фракционерами и т.д., ибо цели, ради которых мы создаем эту группу, достаточно благородны, достаточно необходимы»[9].

Предложение В.А. Тихонова поддержали в том числе Г.Х. Попов, Т.Х. Гдлян и Ю.Н. Афанасьев[10]. А.Н. Мурашев напротив подчеркивал, что: «… межрегиональная депутатская группа – это есть парламентская оппозиция, действующая легально»[11]. Он считал, что более насущным был вопрос не организационный, а подготовки к выборам в местные советы и II Съезду народных депутатов СССР. Тем не менее было решено заняться вопросом внутренней организации группы. Избрание руководства МДГ было назначено на 30 июля 1989 г.

Тогда был избран Координационный комитет во главе с пятью сопредседателями. Тем самым единого лидера у депутатской группы не было. Г.Х. Попов считал, что «это тоже было сделано, чтобы порвать с традициями КПСС»[12]. Он же обозначил примерные обязанности сопредседателей, т.к. формального разделения труда между ними не было. Так, например, А.Д. Сахаров отвечал за внешние связи и контакты, Ю.Н. Афанасьев пытался создать внепарламентскую организацию типа союза, В.А. Пальм отвечал за работу в республиках, Г.Х. Попов – за внутреннюю организацию группы, а Б.Н. Ельцин – за контакты с М.С. Горбачевым и Верховным Советом[13].

Координационный комитет избрали по рейтинговой системе, как и сопредседателей. В данный орган вошло около 20 человек, в том числе А.А. Собчак, Н.И. Травкин, С.Б. Станкевич, Ю.Д. Черниченко и др. У членов этого комитета, как и у сопредседателей, было условное распределение обязанностей. А.А. Собчак работал по юридическим вопросам, Ю.Д. Черниченко и В.А. Тихонов – по аграрным, В.А. Тихонов отвечал за экономику, а С.Б. Станкевич – за общественные движения[14].

---

9 ГАРФ. Ф. Р9654. Оп. 4. Д. 69. Л. 28.
10 Там же. Л. 29–30, 47, 52–53.
11 Там же. Л. 48.
12 Попов Г.Х. Указ. соч. С. 69–70.
13 Там же. С. 70.
14 Там же.

Консолидировать демократов было трудно, в том числе из-за того, что изначально существовало множество центров демократической оппозиции, например, клуб избирателей Академии наук СССР, штаб Б.Н. Ельцина, различные неформальные объединения. Г.Х. Попов считает, что А.Д. Сахаров сыграл огромную роль в объединении их всех, тем самым став духовным лидером группы[15]. Однако это утверждение представляется слишком комплементарным по отношению к А.Д. Сахарову. Некоторые ученые вслед за бывшими лидерами-демократами воспроизводят представление о «безоговорочном авторитете» А.Д. Сахарова, создают определенный мифологизированный нарратив об его особой роли, которую потом перехватил Б.Н. Ельцин, тем самым продолжив дело своего «учителя»[16]. На деле такой взгляд не вполне соответствует действительности.

Конечно, фигура А.Д. Сахарова была важной для межрегионалов с точки зрения символизма. Он был кадром диссидентского движения старой закалки, обладал авторитетом за границей и, соответственно, широкими связями. Однако для практической деятельности А.Д. Сахаров был слишком стар и сам подчеркивает свою пассивную роль в деятельности «Московской трибуны»[17]. Наконец, об ограниченности его влияния свидетельствуют выборы в руководство депутатской группы. А.Д. Сахаров получил самый низкий результат; по количеству

---

15 Там же. С. 60.

16 В монографии «Человек перемен. Исследование политической биографии Б.Н. Ельцина» представлен сюжет о том, что А.В. Руцкой во время выборов на Съезд народных депутатов СССР критиковал А.Д. Сахарова и Б.Н. Ельцина, при этом последние упоминаются как лидеры «Демократической России». К сожалению, из-за отсутствия ссылки на источник не вполне ясно насколько эта позиция А.В. Руцкого передана точно [Человек перемен 2011, с. 253]. Дж. Бреслауэр, например, приводит сюжет, что А.Д. Сахаров был лидером МДГ, а после смерти его заменил Б.Н. Ельцин. Таким образом, ученый косвенно воспроизводит сюжет о Б.Н. Ельцине как преемнике А.Д. Сахарова [Бреслауэр 2021, с. 184].

17 Сахаров А.Д. Воспоминания. М., 2006. Т. 3. С. 539.

голосов его опередил даже эстонец В.А. Пальм, который явно был менее заметной фигурой[18].

Фактически смерть А.Д. Сахарова вскоре после начала II Съезда народных депутатов СССР привела к «канонизации» его фигуры в демократическом лагере. Он стал безобидным символом, который уже не мог быть ни «противовесом» Б.Н. Ельцину, ни препятствием для радикалов на пути разрушения единого Союзного государства[19].

В целом, можно сказать, что задача по консолидации так и не была выполнена, и объединение депутатов получилось весьма разнородным. Образовывалось множество политических субъектов, в данном случае – депутатов. Здесь можно частично согласиться с историком Д.М. Аблаевым: «В отсутствии единого лидера Межрегиональная депутатская группа в значительной степени становится малоуправляемой, и в дальнейшем, любой вопрос будет вызывать долгие и мучительные дискуссии» [Аблаев 2008, с. 101]. Проблема состоит лишь в том, что одного лидера у МДГ не могло быть в принципе. Единственным политиком, обладавшим достаточным влиянием, был Б.Н. Ельцин, но проблема была в том, что он не был в почете у большинства столичной интеллигенции[20]. Соответственно, избрание

[18] Голоса распределились следующим образом: Ельцин (144 голоса), Афанасьев (143), Попов (132), Пальм (73) и Сахаров (69). См.: Шейнис В.Л. Взлет и падение парламента: Переломные годы в российской политике (1985—1993). Т. 1. М., 2005. С. 229.

[19] Конституционный проект А.Д. Сахарова предполагал сохранение единого территориального пространства Советского Союза. См.: Из истории создания Конституции Российской Федерации. Конституционная комиссия: стенограммы, материалы, документы (1990–1993 гг.). М., 2007. Т. 5. С. 92–100.

[20] Аудиовизуальные источники наглядно показывают отношение деятелей МДГ к Б.Н. Ельцину. Например, когда Б.Н. Ельцин отвечал на вопросы из зала во время собрания МДГ, его перебивал Г.Х. Попов, всячески подтрунивая над ним. Это не позволяет говорить об отношении к Б.Н. Ельцину даже как к первому среди равных. См.: Межрегиональная депутатская группа (1989). URL: https://www.net-film.ru/film-26290 (дата обращения: 20.03.2026).

Б.Н. Ельцина единоличным лидером, вероятно, могло привести к расколу группы.

Тем не менее это решение оказалось выгодным в краткосрочной перспективе: группу удалось собрать и не допустить раскола. Однако амбиции Б.Н. Ельцина не были удовлетворены. Видимо, Б.Н. Ельцин ощущал себя «чужаком», только на этот раз не среди Политбюро во время своего демарша в октябре 1987 г., а среди демократически настроенной интеллигенции. В конечном счете, это привело к тому, что Б.Н. Ельцин потерял интерес и был крайне малоактивен на заседаниях МДГ [Шейнис 2005, с. 231–232].

Любопытным представляется вопрос борьбы за власть внутри группы. Г.Х. Попов отмечает напряжение между «группой Ельцина» и «группой Афанасьева». Он связывает это во многом с тем, что Б.Н. Ельцин и Ю.Н. Афанасьев были лидерами-популистами, делавшими ставку на схожие группы избирателей[21]. Так, Ю.Н. Афанасьев опирался в основном на интеллигенцию, а Б.Н. Ельцин на более широкие массы, в том числе и на потенциальных сторонников Ю.Н. Афанасьева. Отсюда и борьба за влияние на избирателей между ними. На деле этот вопрос представляется глубже.

Неизвестно, видел ли себя Ю.Н. Афанасьев лидером демократического движения, но факт в том, что он был наиболее популярным политиком после Б.Н. Ельцина (на выборах сопредседателей МДГ Б.Н. Ельцин обошел его лишь на один голос!). Как замечает Г.О. Павловский: «Летом произошла серьезная рокировка. После съезда по умолчанию лидером Межрегиональной депутатской группы считался Афанасьев, и Сахаров был готов на него играть. И вдруг Афанасьев взял, да и уехал на два месяца в Италию лекции читать. И вернулся в октябре, когда рейтинг Ельцина невероятно вырос. При этом он знал, что обсуждается его выдвижение в фавориты оппозиции на выборах и после них» [Шубин 2006, с. 306].

Сам Ю.Н. Афанасьев говорит о том, что в политике оказался случайно и никаких амбиций не имел[22]. В таком случае не

[21] Попов Г.Х. Указ. соч. С. 72.

[22] Стоит заметить, что документальные биографические фильмы были сняты только о двух лидерах-демократах: Б.Н. Ельцине и

вполне ясно, почему он выдвинулся на первые позиции в лагере демократической оппозиции, ведь можно было ограничиться относительно скромной ролью, например, как в случае Л.М. Баткина или И.М. Клямкина[23]. Вероятно, с введением в оборот новых источников этот момент прояснится, но на данный момент мотивация Ю.Н. Афанасьева как политика представляется не вполне ясной.

Идеологические установки МДГ

Если говорить об идеологии МДГ, то, как верно заметил А.Д. Сахаров, она была «рыхлой»[24]. Он же подчеркнул: «Члены группы придерживаются одного мнения по некоторым основным вопросам, но не по всем»[25]. Яркой иллюстрацией подобной проблемы может служить вопрос об оппозиционности МДГ курсу М.С. Горбачева в июле 1989 г. Так, на собрании группы Т.Х. Гдлян призывал встать в прямую оппозицию политике Перестройки, но его не поддержали А.В. Яблоков и А.М. Оболенский[26]. Первый указывал на то, что МДГ должна доводить до правительства голос меньшинства, а альтернатива – не всегда оппозиция. Второй считал, что пока нет оппозиционной платформы, то смысла в этом термине просто нет.

В пользу того, что МДГ не торопилась быть оппозицией М.С. Горбачеву, говорит и выступление Б.Н. Ельцина на I СНД СССР. Он подчеркивал свою лояльность партии, но отмечал: «Процессы демократизации партии серьезно отстают от темпов демократизации общества. Авторитет партии в массах падает. Поправить положение дел в партии, по моему мнению, может

Ю.Н. Афанасьеве, причем на одной киностудии в 1990 г. См.: Юрий Афанасьев. Определение позиции (1990). URL: https://www.net-film.ru/film-9857 (дата обращения: 15.03.2026).

[23] Л.М. Баткин входил в руководство движения «Демократическая Россия», но не был депутатом парламента. И.М. Клямкин был главным редактором газеты «Демократическая Россия».

[24] Сахаров А.Д. Тревога и надежда. М., 2006. Т. 2. С. 547.

[25] Там же. С. 548.

[26] ГАРФ. Ф. Р9654. Оп. 4. Д. 70. Л. 21–23.

внеочередной XXVIII съезд КПСС»[27]. Здесь проявлялась важная мысль, которая пока позволяла демократам полностью не отворачиваться от М.С. Горбачева. Они связывали большие надежды на то, что очередной партийный съезд позволит добиться того, чтобы «линия раскола прошла правее Горбачева», при условии, что демократы хотя бы отчасти сменят обличения на конструктивные предложения[28]. Именно этот мотив объясняет лишь частичную поддержку депутатами-межрегионалами переход в открытую оппозицию, объявленный Ю.Н. Афанасьевым на II СНД СССР.

Идеологический спектр МДГ проходил определенную эволюцию. На момент начала I Съезда народных депутатов СССР в экономической концепции МДГ четко говорится о приверженности социалистическим идеалам[29]. К 1990–1991 гг. будет происходить дискурсивный сдвиг к полному отрицанию социализма.

Переосмыслению курса М.С. Горбачева народными депутатами из демократического лагеря также способствовали поездки за границу. Так, летом 1989 г. в Швецию отправились Г.Э. Бурбулис и Н.И. Травкин [Зубок 2024, с. 126]. Кроме них за границу были приглашены и другие сопредседатели МДГ [Островский 2011, с. 372]. В этом отношении ключевой стала, конечно, поездка Б.Н. Ельцина в США. Таким образом, поездки за рубеж пошатнули убежденность демократов в социалистическом выборе пути реформ.

МДГ и забастовочное движение

Начиная с лета 1989 г., в Советском Союзе происходили шахтерские забастовки. Начали стачку 5 шахт в Макеевке, но эта тенденция быстро распространилась на все шахты Донецка, Горловки, Дзержинска, Енакиево, Красноармейска и других

[27] Первый Съезд народных депутатов СССР. Стенографический отчёт: в 6 томах. М., 1989. Т. 2. С. 46–47.

[28] Верховский А. На «Московской трибуне». URL: http://www.panorama.ru/gazeta/1-30/p12mtr.html (дата обращения: 22.04.2026).

[29] ГАРФ. Ф. Р9654. Оп. 4. Д. 68. Л. 11.

городов. 18 июля забастовку поддержали горняки Ворошиловградской и Днепропетровской областей. Затем к ним присоединились все шахты Кузбасса [Медведев 2010, с. 271]. Историк Р.А. Медведев подчеркивает, что забастовки происходили и в других отраслях экономики, но не имели столь массового характера и такой организации, как в шахтерских регионах [Медведев 2010, с. 272].

Изначально требования шахтеров носили преимущественно экономический характер, но вскоре эта ситуация изменилась в сторону политизации протеста [Кулаев 2023, с. 98]. Историк М. Кулаев верно замечает: «Шахтеры явным образом выпадали из гегемонической формации, выступая за "углубление перестройки" и широкие политические преобразования» [Кулаев 2023, с. 97]. Забастовка – значительно более опасная форма сопротивления нежели митинг, поскольку она может остановить производство в определенной отрасли или же вовсе парализовать экономику страны, и, соответственно, еще сильнее обострить проблему дефицита.

Эти обстоятельства дают карт-бланш депутатам-межрегионалам. Массовые забастовки рабочих-шахтеров, традиционно считавшихся в СССР «классом-гегемоном», позволяют с практической стороны давить на власть, чтобы реализовывать свои требования, с другой, символической, стороны наглядно демонстрируют крах курса М.С. Горбачева на «социализм с человеческим лицом».

Практически сразу после завершения волны стачек Г.Х. Попов на июльском собрании МДГ заявил: «Мы все ждали, хотели и мечтали о том порядке, когда главной силой перестройки станет народ. Теперь это стало фактом. Этот процесс активизации масс принял самую острую из форм – форму забастовки. <…> Конечно, забастовка – это крайняя мера. Но это законная, логичная и вполне оправданная мера при определенных условиях»[30]. Завершая речь, он подчеркнул: «Забастовка законна, если народ борется за перестройку. Забастовка законна, если речь идет о переходе к настоящему социализму. Забастовка неизбежна, если

[30] Там же. Д. 72. Л. 1–2.

народ не чувствует действенности других форм борьбы»[31]. Здесь проявляется социалистический, может быть, даже синдикалистский элемент в дискурсе демократов. Г.Х. Попов действительно считал, что основу советской экономики должен составлять трудовой коллектив, что говорит скорее о синдикалистских взглядах ученого[32].

Кроме Г.Х. Попова эту же тему поднимал и Б.Н. Ельцин. Он уделял внимание тому, что рабочие отчуждены от управления государством, а это, в свою очередь, приводит к недовольству ввиду отсутствия возможности влиять на ситуацию в стране и на предприятиях[33]. Так, по мнению Б.Н. Ельцина, забастовочное движение является в определенном смысле формой классовой борьбы, которая направлена против партократии. Между тем, это может свидетельствовать о наличии элемента синдикализма в риторике Б.Н. Ельцина, тяготеющей к популизму.

Вопрос – «почему рабочие пошли за Ельциным?» – все еще ждет своего исследователя. Вполне вероятно, что Межрегиональная группа оказалась в глазах рабочего класса и значительной части обывателей привлекательна. Это связано с тем, что она отталкивалась от разновидностей социалистического дискурса, тем самым разрушалась идеологема об обществе равенства в СССР, а МДГ опиралась на советские традиции, не насаждая чуждые ценности. Группа предлагала свой вариант проведения реформ, который на фоне общего кризиса советской экономики выглядел привлекательно, объясняя неудачи предшествующей политики «командно-административной системой». Наконец, группу представляли харизматические лидеры, например, тот же Б.Н. Ельцин, пользовавшийся поддержкой москвичей и свердловчан, а также широких масс.

---

31 Там же. Л. 3.

32 См.: Попов Г.Х. Корень проблем: О концепции экономической перестройки. М., 1989. 94 с.

33 ГАРФ. Ф. Р9654. Оп. 4. Д. 72. Л. 78–79.

Переход МДГ в открытую оппозицию Перестройке

Начало работы II СНД СССР МДГ встретила в новом качестве – как политическая сила, способная массово мобилизовать население страны, так что не считаться с ней уже было невозможно.

Одним из центральных вопросов в политической жизни СССР 1989 г. стала борьба за отмену или изменение 6-й статьи Конституции СССР[34]. МДГ выступала за отмену данной статьи, однако на I СНД СССР этот вопрос не удалось поставить на рассмотрение должным образом в связи с тем, что новый орган власти был образован совсем недавно. Поэтому при обсуждении повестки II СНД, проходившего в декабре 1989 г., МДГ было предложено рассмотреть вопрос отмены 6-й статьи Конституции СССР. Эту инициативу не удалось реализовать, так как она провалилась при голосовании в Верховном Совете. Несмотря на это, МДГ решила в первый же день работы II СНД повторно внести данное предложение, однако данная инициатива не удалась[35]. Как заметил А.А. Собчак: «Увы, мы недооценили тщательность аппаратной подготовки II Съезда. Он оказался куда более послушным режиссерской палочке, чем I Съезд, и куда более робким в самостоятельности суждений и решений. Мы не только не получили большинства, но и оказались в значительном меньшинстве. Около 60 процентов депутатов нас не поддержали»[36].

В начале работы II СНД СССР, 14 декабря 1989 г., умер А.Д. Сахаров, один из сопредседателей МДГ. Данное событие, с одной стороны, положительно отразилось на единстве внутри группы на короткий период времени, а также способствовало поднятию популярности депутатской группы в народе: А.Д. Сахаров стал своеобразной иконой. Тем не менее, Ю.Н. Афанасьев отмечал, что смерть А.Д. Сахарова нанесла тяжелый удар по демократическому движению СССР, осложнив задачу его объединения в единый лагерь[37]. На практике же это утверждение представляется не вполне верным, как было показано выше. Удар по демократическому движению скорее нанесла

[34] Собчак А.А. Хождение во власть. М., 1991. С. 127.
[35] Там же С. 131.
[36] Там же.
[37] Афанасьев Ю.Н. Я должен это сказать. М., 1991. С. 391–392.

последующая поддержка Ю.Н. Афанасьевым Б.Н. Ельцина, нежели смерть А.Д. Сахарова. Это означало, что авторитет Б.Н. Ельцина никем не оспаривался, а демократический лагерь, в свою очередь, постепенно начинал терять субъектность и во многом становился своеобразной «группой поддержки» Б.Н. Ельцина.

Кульминацией II Съезда стало выступление Ю.Н. Афанасьева. Он озвучил заявление МДГ, подписанное 250 депутатами. В нем было заявлено следующее: «… мы, народные депутаты СССР, на первом Съезде объединившиеся… в межрегиональную депутатскую группу, вынуждены констатировать принципиальное расхождение в позициях по ряду основополагающих вопросов между нашей группой и большинством на втором Съезде»[38]. Ю.Н. Афанасьев подчеркнул, что МДГ выступает против монопольной власти и вмешательства КПСС в государственные, экономические и другие сферы общества. Группа считает, что Съезд народных депутатов СССР, отказавшись рассматривать вопрос об отмене 6-й статьи Конституции, выступил в защиту закрепления монополии на власть КПСС. Кроме того, была раскритикована экономическая программа, предложенная правительством Съезду; взамен был предложен ряд мер для выхода из сложившегося кризиса, носивших либеральный характер[39]. В завершении своего выступления Ю.Н. Афанасьев сделал следующий вывод: «Таким образом, наша группа фактически оказалась по указанным жизненно важным вопросам в оппозиции по отношению к большинству на Съезде. <…> В то же время межрегиональная депутатская группа готова к конструктивному диалогу с другими парламентскими группами…»[40].

Заключение

Таким образом, теоретическая работа, проделанная демократами, начиная с 1987–1988 гг. получает логическое продолжение. Если до этого они задавали неудобные вопросы

[38] Там же. С. 398.
[39] Там же. С. 398–399.
[40] Там же. С. 399.

«командно-административной системе» и лишь затем начали выводить массы на акции протеста, то с лета 1989 г. это приобрело качественно новый характер. На фоне обострения экономической ситуации в СССР и развертывания забастовочного движения у демократов появляется прочная социальная база в лице «класса-гегемона», который символически подрывал власть КПСС. МДГ не смогла консолидироваться по основным политическим вопросам. Например, переход в открытую оппозицию поддержали далеко не все депутаты-межрегионалы. Неспособность проводить желаемые демократам решения в жизнь привела к тому, что вектор борьбы за власть начал смещаться с союзного уровня на российский. При этом требовалось переосмысление формы организации движения. Для этого сначала появится избирательный блок «Демократическая Россия», затем – партийные структуры демократов, а после их неудачи – общественно-политическое движение «Демократическая Россия», программу которого составила платформа МДГ[41].

ЛИТЕРАТУРА

Аблаев 2008 – *Аблаев А.М.* Межрегиональная депутатская группа: становление, развитие и итоги: дис. … канд. ист. наук. М., 2008. 232 с.

Барсенков 2002 – *Барсенков А.С.* Введение в современную российскую историю 1985–1991 гг. М.: Аспект Пресс, 2002. 367 с.

Безбородов, Елисеева 2021 – *Безбородов А.Б., Елисеева Н.В.* Советский Союз и Российская Федерация: 1985–2018 гг.: Очерки истории. М.: РГГУ, Кн. 1. 2021. 508 с.

Бреслауэр 2021 – *Бреслауэр Дж.* Горбачев и Ельцин как лидеры. СПб.: Библиороссика, 2021. 479 с.

Буянов 2009 – *Буянов А.В.* Съезд народных депутатов СССР в системе государственной власти Советского Союза: 1989–1991 гг.: дис. … канд. ист. наук. М., 2009. 197 с.

Зубок 2024 – *Зубок В.М.* Коллапс. Гибель Советского Союза. М.: АСТ, 2024. 656 с.

[41] Мурашев А.Н. Указ. соч.

Кулаев 2023 – *Кулаев М.* Профсоюзы, рабочие движения и гегемония в современной России. М.: Издательство Института Гайдара, 2023. 504 с.

Медведев 2010 – *Медведев Р.А.* Советский Союз. Последние годы жизни: конец советской империи. М.: АСТ, 2010. 637 с.

Островский 2011 – *Островский А.В.* Глупость или измена? Расследование гибели СССР. М.: Форум, 2011. 864 с.

Пихоя 2005 – *Пихоя Р.Г.* Москва. Кремль. Власть. Две истории одной страны. Россия на изломе тысячелетий. 1985–2005. М.: АСТ, 2007. 554 с.

Пученков 2021 – *Пученков А.С.* Май 1989 – май 1990 гг.: год из жизни Союза // Россия в эпоху революций и реформ. Проблемы истории и историографии. 2021. Т. 9. С. 284–329.

Человек перемен 2011 – Человек перемен. Исследование политической биографии Б.Н. Ельцина / Под ред. Р.Г. Пихоя. М.: Новый хронограф, 2011. 540 с.

Шейнис 2005 – *Шейнис В.Л.* Взлет и падение парламента: Переломные годы в российской политике (1985–1993). Т. 1. М., 2005. 703 с.

Шубин 2006 – *Шубин А.В.* Преданная демократия. СССР и неформалы (1986–1989). М.: Европа, 2006. 339 с.

Sauve 2022 – *Sauve G.* A Reluctant Opposition: Soviet Liberals Within the Moscow Tribune // Slavic Review. 2022. № 1. P. 722–744.

REFERENCES

Ablaev, D.M. (2008), *Mezhregional'naya deputatskaya gruppa: stanovlenie, razvitie i itogi* [Interregion deputy's group: development and results], Abstract of Ph.D. dissertation (History), Moscow, Russia.

Barsenkov, A.S. (2002), *Vvedenie v sovremennuyu rossiyskuyu istoriyu* [Introduction in modern Russian history], Aspekt Press, Moscow, Russia.

Bezborodov, A.B. and Eliseeva, N.V. (2021), *Sovetskiy Souz i Rossiyskaya Federatsiya: 1985–2018 gg.: Ocherki istorii* [Soviet Union and Russian Federation: 1985–2018: Essays on history], RSUH, Moscow, Russia.

Breslauer, G. (2021), *Gorbachev i Eltsin kak lideri* [Gorbachev and Eltsin as leaders], Bibliorossika, Saint Petersburg, Russia.

Buyanov, A.V. (2009), *S'ezd narodnih deputatov SSSR v sisteme gosudarstvennoi vlasti Sovetskogo Souza: 1989–1991* [Congress of people's deputies of the USSR in the governmental system of Soviet Union: 1989–1991], Abstract of Ph.D. dissertation (History), Moscow, Russia.

Zubok, V.M. (2024), *Kollaps. Gibel Sovetskogo Souza* [Collapse. The Demise of the Soviet Union], AST, Moscow, Russia.

Kulaev, M. (2023), *Profsouzi, rabochie dvizheniya i gegemoniya v sovremennoi Rossii* [Trade unions, worker movements and gegemony in modern Russia], Gaidar Institute Publishing House, Moscow, Russia.

Medvedev, R.A. (2010), *Sovetskiy Souz. Poslednie godi zhizni: konets sovetskoi imperii* [Soviet Union. Last years of existence: the end of the soviet empire], AST, Moscow, Russia.

Ostrovskiy, A.V. (2001), *Glupost' ili izmena? Rassledovanie gibeli SSSR* [Stupidity or treason? Investigation of the death of the USSR], Forum, Moscow, Russia.

Pikhoya, R.G. (2005), *Moskva. Kreml'. Vlast'. Dve istorii odnoi strani. Rossia na izlome tusyachaletiy* [Moscow. Kremlin. Power. Two histories of one country. Russia at the turn of the millennium], AST, Moscow, Russia.

Puchenkov, A.S. (2021), "May 1989 – May 1990: a year in the life of the Union, Russia in the era of revolutions and reforms", *Problems of history and historiography*, no. 9, pp. 284–329.

Pikhoya, R.G. (ed.) (2011), *Chelovek peremen. Issledovanie politicheskoy biografii B.N. Eltsina* [A man of change. A study of B.N. Yeltsin's political biography], New chronograph, Moscow, Russia.

Sheinys, V.L. (2005), *Vzlet i padenie parlamenta: Perelomnie godi v rossiyskoy politike (1985–1993), T. 1.* [The Rise and Fall of Parliament: Crucial Years in Russian Politics (1985–1993, Vol. 1], Moscow, Russia.

Shubin, A.V. (2006), *Predannaya demokratiya. SSSR i neformaly (1986–1989)* [Betrayed democracy. USSR and neformaly (1986–1989)], Evropa, Moscow, Russia.

Sauve, G. (2022), "A Reluctant Opposition: Soviet Liberals Within the Moscow Tribune", *Slavic Review*, no. 1, pp. 722–744.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Василий К. Поваляев, студент магистратуры, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125993, Россия, Москва, Миусская пл., 6; vkpovalyaev@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Vasiliy K. Povalyaev, master's student, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125993; vkpovalyaev@gmail.com

Поступила в редакцию: 30.04.2026
Поступила рецензия: 18.05.2026
Принята к публикации: 15.07.2026

Главный редактор

Барышева Елена Владимировна

Выпускающий редактор английского текста

Антонова Ирина Борисовна

•

Научный редактор и корректор

Бакланов Даниил Антонович

•

Дизайн и вёрстка

Тагильцева Софья Александровна

МОСКВА 2026

molodoi.istorik@rggu.ru

За ведение сайта благодарим
Бысова
Никиту Евгеньевича!

https://molodoyistorik-rsuh.ru/